

**Русские заимствования в диалекте средней части
Карельского перешейка**

По данным диалектного словаря Л. Кантеэ «Parrai räi»

Илона Антила
Университет г. Тампере
Институт современных языков и переводоведения
Отделение русского языка и культуры
Дипломная работа
Ноябрь 2007

Tampereen yliopisto
Venäjän kieli ja kulttuuri
Kieli- ja käännöstieteiden laitos

ANTILA, ILONA: Venäläiset lainasanat Keski-Kannaksen murteessa / Russkie zaimstvovaniya v dialekte srednej časti Karel'skogo perešejka

Pro gradu- tutkielma, 94 sivua + liitteet (3 kpl)
Syksy 2007

Tässä työssäni käsittelen venäläisiä lainasanoja Keski-Kannaksen murteessa. Aineistona olen käyttänyt Lauri Kanteen vuonna 2003 ilmestynyttä ”*Parrai Pää*” Keski-Kannaksen murre-sanakirjaa (toim. Jaakko Okker). Sanakirja perustuu lähinnä 20- ja 30-luvuilla Etelä-Muolaassa puhuttuun murteeseen, jonka sanasto kattaa pitkälti myös koko Keski-Kannaksen alueella puhutun murteen. Aineistosta olen kerännyt venäjän kielestä lainautuneet sanat ja ilmaiset, jotka esitellään merkityksineen venäjänkielisen vastineensa kanssa. Joidenkin sanojen kohdalla olen lainannut esimerkkilauseen L. Kanteen aineistosta. Olen myös pyrkinyt määrittämään sanojen levinneisyyttä Suomessa tarkoitukseni selvittää, mitkä sanat ovat olleet tyypillisiä nimenomaan Keski-Kannaksen murteelle. Tältä osin analyysin tulokset ovat kuitenkin vain suuntaa-antavia.

Työni koostuu neljästä pääluvusta, joista ensimmäisessä käsittelen kielikontaktia ja sen mukanaan tuomia muutoksia kielessä. Etualalle kielikontaktia tarkastellessa nousevat sosiaaliset tekijät, kuten ”prestiisin” käsite. Yksi kielikontaktin seuraus on sanojen lainautuminen, jonka syitä ja mekanismeja käsittelen kielikontaktin yhteydessä. Toinen pääluku käsittelee murteentutkimusta, sekä suomen kielen kaakkoismurteita, joihin Keski-Kannaksella puhuttu murre kuului. Ensimmäisessä pääluvussa pääasiallisia teorialähteitäni ovat olleet S.G. Thomasonin ”*Language Contact*” (2001) sekä U. Weinreichin ”*Languages in Contact*” (1973) ja toisessa M. Rapolan ”*Johdatus suomen murteisiin*” (1990). Kolmannessa pääluvussa tarkastelen Karjalan Kannaksen historiaa, erityisesti Pietarin kaupungin merkitystä Kannaksen suomalaisten elämässä. Neljäs luku käsittää sanastoanalyysin. Olen jakanut venäläiset lainasanat kuuteen temaattiseen ryhmään (”Pihapiiri”, ”Pietarin kaupunki”, ”Työ”, ”Kotiteollisuus”, ”Ihmisten nimitykset” ja ”Abstraktit käsitteet”). Tällä jaottelulla pyrin valaisemaan suomalais-venäläisten suhteiden luonnetta ko. alueella – yksinkertaistaen voidaan olettaa, että mitä enemmän tietyllä elämänalueella on sanojen lainautumista, sitä tiiviimpää on ollut myös kanssakäyminen. Temaattinen jaottelu ei luonnollisestikaan ole ehdoton – sanat olisi voitu jakaa myös toisin. Sanastoanalyysin ohella olen esittänyt lyhyitä kuvauksia kannaslaisesta elämänmenosta. Tässä pääasiallinen lähteeni on ollut Greta Karste-Liikkasen ”*Pietari-suuntaus kannaslaisessa elämänkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918.*” (1968).

Venäläistä alkuperää olevia sanoja kertyi suhteellisen paljon, 351 kpl (Kanteen sanakirjassa hakusanoja yhteensä yli 3300 kpl), joista 155 esiintyi todennäköisesti vain Keski-Kannaksen murrealueella. Lähes kaikki lainat ovat ns. suorina lainoina, käännöslainoina on joukossa muutamia. Venäläiset lainat ovat pääosin jokapäiväiseen elämään liittyviä sanoja, mutta myös joitakin abstrakteja käsitteitä on lainautunut. Myös Pietarin kaupungin suuri vaikutus kannaslaiseen elämään kuvastuu lainautuneessa sanastossa. Pitkäaikainen naapuruus, kaupassuhteet, kannaksen venäjänkielinen asutus sekä erityisesti Pietarin kaupungin läheisyys vaikuttivat kaikki osaltaan siihen, että venäjän sanastollista vaikutusta esiintyi alueen murteessa runsaasti.

kielikontakti, lainasanat, Karjalan Kannas, venäjän kieli, suomen kieli

Содержание

Введение.....	1
1. Языковой контакт.....	5
1.1. Языковые изменения, вызванные контактами народов.....	7
1.2. О характере языкового заимствования.....	9
1.2.1. Калькирование и типы калек.....	11
1.3. Причины лексического заимствования.....	12
1.3.1. Процессы освоения заимствованных лексем.....	13
1.3.2. Механизмы языковых изменений, вызванных языковыми контактами.....	14
1.4. Русско-финские языковые контакты.....	15
2. Диалект: основные признаки.....	19
2.1. Предмет и основные понятия.....	19
2.2. Диалект или язык?.....	21
2.3. Финские диалекты как объект изучения.....	24
2.3.1. Юго-восточные диалекты финского языка.....	25
2.3.2. Особенности юго-восточных диалектов финского языка.....	26
3. Краткая история Карельского перешейка.....	29
3.1. Главные черты.....	29
3.2. Значение Санкт-Петербурга для развития Карельского перешейка.....	31
3.3. Пожалованные земли и дачный период: русские на Карельском перешейке.....	32
3.4. Отношения между местными жителями и летними гостями.....	33
3.5. Русский язык на Карельском перешейке.....	33
4. Тематическая классификация заимствованной лексики.....	35
4.1. Хозяйство, домашний быт, повседневная жизнь.....	37
4.1.1. Домашний очаг.....	37
4.1.2. Бытовые предметы.....	38
4.1.2.1. Посуда, сосуды, предметы для хранения чего-нибудь.....	39
4.1.2.2. Рабочие инструменты, орудия труда.....	41
4.1.3. Продукты питания.....	43
4.1.4. Названия одежды и обуви.....	46
4.1.5. Строительство, постройки и их части.....	48

4.1.6.	Средства передвижения и их части.....	50
4.1.7.	Оружие и предметы, служащих оружием.....	51
4.1.8.	Животные и предметы, связанные с ними.....	52
4.1.9.	Развлечение и отдых.....	54
4.2.	Санкт – Петербург.....	57
4.2.1.	Торговля.....	59
4.2.1.1.	<i>Ввоз и вывоз.....</i>	<i>61</i>
4.2.1.1.1.	<i>Молочные продукты.....</i>	<i>62</i>
4.2.1.1.2.	<i>Грибы.....</i>	<i>62</i>
4.2.1.1.3.	<i>Хлебобулочные изделия.....</i>	<i>63</i>
4.2.1.1.4.	<i>Возбуждающие средства.....</i>	<i>64</i>
4.2.2.	Контрабанда.....	65
4.3.	Работа.....	66
4.3.1.	Названия профессии.....	66
4.3.2.	Барышники.....	68
4.3.3.	Другие слова, связанные с работой.....	69
4.3.4.	Суффикс «-пiекка».....	71
4.4.	Кустарное производство.....	71
4.4.1.	Сани и повозки.....	72
4.4.2.	Глиняные сосуды и другие предметы.....	73
4.5.	Названия, относящиеся к людям.....	74
4.6.	Отвлеченные понятия.....	78
Заключение.....		80
Библиография.....		90
Приложение 1.		95
Приложение 2.		97
Приложение 3.		98

Введение

В данной работе мы рассматриваем русские заимствования в диалекте средней части Карельского перешейка по данным диалектного словаря Л. Кантеэ «Parrai päi. Keski-Kannaksen murttesanakirja» (ред. Яакко Оккер). Данный словарь содержит в себе диалектные слова, собранные на территории средней части Карельского перешейка Л. Кантеэ. Он сам был родом из этого района, и, несмотря на то, что не был лингвистом по образованию, он был усердным любителем диалекта своего родного края. Он начал собирать диалектные слова уже в 1960-ых годах и продолжал эту работу активно после выхода на пенсию в 1990-ых годах. Его родственники нашли рукопись словаря после смерти автора и решили опубликовать ее. Информантами в работе Л. Кантеэ являлись многочисленные бывшие жители средней части Карельского перешейка (Kantee 2003:предисловие).

Во Введении к словарю отмечается, что та лексика, которая представляется в словаре, основывается на говоре в Южной Муолаа 20-ых – 30-ых годов XX века, но многие слова распространились и по всему Среднему Карельскому перешейку (в волостях Муолаа, Эйряпя, Хейнийоки, Вуоксела, Валкъярви, Кивеннапа и Терийоки) (Kantee 2003:8). Тем не менее, юго-восточные диалекты, к которым принадлежит данный диалект, представляют собой достаточно гетерогенную диалектную группу, и, следовательно, различия в словарном составе даже соседних поселков могли быть значительными. Критерием для включения в словарь было, что слово как таковое не встречается в Словаре современного финского языка (Nykysuomen sanakirja), или его значение отличается от соответствующего значения в финском литературном языке (Kantee 2003:8).

Целью настоящей работы является выяснить, какие из слов, представленных в словаре Л. Кантеэ, коренятся в русском языке, или, по крайней мере, проникли в диалект средней части Карельского перешейка через русский язык. Чтобы слово можно было считать русским по происхождению, оно должно иметь фонетически и семантически соответствующий вариант в русском языке. Нас также интересует, образуют ли эти слова какие-то особые тематические группы, по которым можно было бы делать выводы об отношениях между финнами и русскими в данном районе. С помощью тематического разделения мы хотим выяснить, в каких сферах деятельности взаимовлияние русского и финского народов было живым и найти возможный

экстралингвистический толчок к заимствованию. Мы исходим от гипотезы, что продолжительные отношения с Россией и русскими не могли не отражаться и в словарном составе говоров данных краев. Особенно важным фактором, оказывающим влияние на диалект средней части Карельского перешейка, можно было считать близкое местоположение российской столицы, Санкт-Петербурга. И действительно, многие путешествия в Санкт-Петербург и также русские дачники и русскоговорящее население на перешейке оставили глубокий след в лексике диалектов данного края. В какой-то степени мы также пытаемся выяснить сферу распространения отдельных слов – встречаются ли они только в диалекте средней части Карельского перешейка или распространились и в другие районы. При этом мы опирались, в первую очередь, на следующие источники: А.Плөгер: «Die russischen Lehnwörter der Finnischen Schriftsprache» (1973), Х. и М. Паунонен: Словарь сленга города Хельсинки «Tsennaaks stadii, bonjaaks slangii», Э. Итконен: Этимологический словарь «Suomen sanojen alkuperä» (1992), Словарь современного финского языка «Nykysuomen sanakirja» (1966), В. Руоппила: «Venäläisperäistä sanastoa suomen murteissa» (1986) и Словарь диалектов финского языка.

Работа состоит из четырех глав, из которых три – теоретические, а четвертая - сам анализ заимствований. В первой главе мы рассматриваем языковой контакт – что он представляет собой, и какие возможные результаты из него могут вытекать. Самый обычный из этих результатов – заимствование слов, которое также рассматривается в данной главе. Мы пытаемся определить языковой контакт и заимствование, а также терминологию, связанную с данными областями науки, опираясь, в первую очередь, на данные С.Г. Томасон и У. Вайнрайха. На передний план в языковом контакте выдвигаются психологические и социальные факторы, особенно понятие «*престижа*». Хотя во многих случаях престижное положение одного языка в отношении с другим языком диктует направление языковых изменений, вызванных в контактной ситуации, оно является только одним из многих, часто непредсказуемых причин языковой интерференции. Мы также представляем теорию, механизмы и причины заимствования, сосредоточиваясь на лексических заимствованиях, и даем краткий обзор финско-русских языковых контактов с исторической точки зрения, а также лексических русских заимствований в финском языке.

Во второй главе мы рассматриваем центральные понятия диалектологии. Сначала мы обращаем внимание на различия между понятиями «*литературного языка*» и «*диалекта*». При этом мы опять сталкиваемся с понятием престижа и значения психологического отношения говорящего к языку при определении разных языковых форм. Определить диалект четко по лингвистическим чертам, а также ограничить его на определенной территории на карте достаточно сложно, иногда и невозможно. Разные языковые черты могут сливаться друг с другом постепенно, и поэтому границы между диалектами могут быть неустойчивыми. Далее в данной главе мы предлагаем краткий обзор финской диалектологии и развития финского литературного языка, в котором диалекты играли важную роль. Мы пытаемся также коротко описывать главные черты юго-восточных диалектов финского языка. Для этого мы составили список главных черт, характеризующих юго-восточные диалекты, с помощью данных М. Раполы и Э. Саволайнена.

Так как одной из целей настоящей работы является связать заимствованные слова с определенной сферой деятельности или определенном периодом времени, мы считали необходимым дать краткий обзор исторических событий на Карельском перешейке. Так как глубокое влияние г. Санкт-Петербурга на данный край – безусловный факт с самого начала, мы решили посвятить ему свой раздел. Как отмечает М. Клинге в своей статье, русское влияние в Финляндии было, в первую очередь, именно влиянием Санкт-Петербурга (Klinge 1984:12). Близкое местоположение российской столицы влекло за собой большие изменения в повседневной жизни на Карельском перешейке, и это, по нашему мнению, отражается и в лексике диалекта этого края. Далее, мы обращаем особое внимание на явления, которые, вместе с торговыми путешествиями в русскую столицу во многом оказывали влияние на жизнь жителей Карельского перешейка – дачное население и пожалование земель. В конце главы мы пытаемся кратко описать отношения между русскими и финнами на перешейке и положение русского языка в данном крае.

Четвертая глава содержит в себе анализ заимствованных слов. Мы разделили слова на шесть тематических групп и образовавшиеся группы мы разделили, опираясь на значения слов на более специализированные группы. Мы пытаемся выяснить этимологию каждого слова, предлагая соответствующее русское слово или выражение, которое, по нашему мнению, можно считать источником заимствования. Как выше было отмечено, нашим намерением было связать

заимствования с каким-то определенным периодом времени или сферой деятельности. В этом большую помощь нам оказала книга Г. Карсте-Лийкканен «Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämäkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918» (1968). Данная книга послужила бесценным источником в ознакомлении с жизнью жителей перешейка того времени и особенно с их отношениями с восточными соседями. Мы подчеркиваем, что наша классификация заимствований – весьма условная, и слова можно было бы разделить по группам и по другим принципам. Многие слова также подходили бы под более чем одну рубрику. Из-за большого объема материала, мы должны были оставить некоторые слова вне настоящей работы. Данные слова мы представляем в Приложении 1. Мы все-таки принимаем эти слова во внимание в заключении, так как они такие же важные для нашей работы, как и слова в самом анализе заимствований. В нашем материале встречались также слова, происхождение которых неясное. Эти слова мы представляем в Приложении 2. В третьем Приложении мы собрали слова, которые встречаются только в диалекте средней части Карельского перешейка или в его близком окружении.

В заключении мы предлагаем наши выводы об изучаемом материале, выделяя некоторые особенно интересные заимствования в каждой тематической группе и представляя таблицы основных фонетических изменений. Мы также пытаемся описывать характер финско-русских языковых контактов в данном районе так, как мы это понимаем. Все переводы в данной работе наши.

1. Языковой контакт

Языковые контакты играют важную роль в развитии языка; ни один язык не развивался и не развивается без контактов с другими языками. Самое простое определение языкового контакта – это употребление более чем одного языка одновременно в одном месте. Однако это определение не совсем убедительное. Чтобы языковой контакт мог происходить, необходима и временная продолжительность и потребность в коммуникации. К тому же, языковой контакт не требует обязательного «физического» контакта: он может происходить и так, что говорящие на языках, влияющих друг на друга (или один на другой), не находятся в прямом контакте. (Thomason 2001:1-2.) Сегодняшний престиж английского языка в сфере популярной культуры является хорошим примером этого.

В языковом контакте языки так или иначе оказывают влияние друг на друга. На то, какие изменения языки испытывают в контактной ситуации, влияет множество разных факторов, как социальных, так и лингвистических. Кажется очевидным, что чем интенсивнее и продолжительнее контакт, тем больше разных признаков языковой интерференции можно заметить. (По определению Томасон, интерференция [*interference*] – это такое языковое изменение, вызванное контактом, в котором происходит перенос материала и структур из одного языка в другой [Thomason 2001:267]). В результате очень интенсивного языкового контакта могут образоваться новые языки, т.н. пиджины (используются только в ограниченных ситуациях) и креольские языки (используются как первый язык определенной группы). В словарный запас этих языков обычно входит много заимствований из того языка, который имеет престиж в контактной ситуации, но грамматика может иметь черты обоих языков и также универсальные, относительно простые черты. Самый крайний и трагический результат языкового контакта – это исчезновение другого (менее престижного) языка (там же:12).

Л. Лейсиё выделяет три социальных исходных условия для языкового контакта. В первом варианте одна группа перемещается и поселяется на территории другой группы. Часто в таких случаях контакты между двумя группами по характеру беспокойные – обычно речь идет о воинственной ситуации, где один народ покоряет другой. Согласно Лейсиё, в результате

местная группа усваивает язык покоряющей группы. Возможно также, что пришельцы усваивают язык местных, или, третий вариант – оба языка выживают, но только один обладает престижным статусом. Другое условие для языкового контакта – это соседство. При контакте такого типа (языковое) взаимодействие осуществляется через границы стран, т.е. группы не проникают на территорию другой группы и не сливаются значительно. Л. Лейсиё отмечает, что между двумя территориями, на которых употребляют разные языки, всегда есть двуязычная зона. Третьим возможным типом языкового контакта, по мнению Лейсиё, является иммиграция. Тогда направление результатов языкового контакта диктует престижное положение господствующего языка, и переселенцы часто меняют язык на другой язык, который выше по социально-политическому статусу. (Leisiö 2001:295-296.) С.Г. Томасон (Thomason 2001:20) выделяет еще некоторые источники языкового контакта, из которых мы хотели бы упомянуть один тип возможного толчка к языковому контакту. Он связан с соседством: языковой контакт двух, уже долго соседствующих языковых групп может изменяться по характеру со временем – в таком случае, конечно, контакт не считается исходным. Такое развитие произошло и на Карельском перешейке, где многие резкие исторические изменения повлияли на развитие контактов между русскими и финнами. Важнейшим фактом являлось построение новой столицы в 1703-ем году. Русский и финский языки находились в контакте и до существования г. Санкт-Петербурга, но его строительство и многие новые возможности, предлагаемые им, безусловно, углубили отношения между этими двумя народами и языками. Что касается стабильности языкового контакта, самый важный, причем и единственный фактор в определении Томасон – социальный. Согласно ей, самые стабильные языковые контакты встречаются в таких ситуациях, где отношения между группами в контакте – спокойные и долговременные. Она отмечает, что языковой контакт, который продолжается более трех или четырех поколений, может считаться стабильным. В качестве примера стабильного контакта С.Г. Томасон отмечает и длительные торговые отношения между группами. (Thomason 2001:23-25.) Из наших источников явствует, что именно торговля играла важную роль во взаимодействии финнов и русских на Карельском перешейке. Языковой контакт, который продолжался на перешейке относительно спокойным сотни лет, резко кончился в 1917-ом году закрытием границы.

Понятие «*престижа*» – одно из ключевых слов в изучении языкового контакта. Действительно, оно является важнейшим среди социальных факторов, влияющих на возможные изменения,

происходящие при определенном языковом контакте. Обычно изменения происходят в следующей последовательности: в менее престижном языке наблюдается больше изменений, вызванных языковым контактом, чем в доминирующем языке (здесь под понятием «языка» имеются в виду и диалектные варианты одного языка, не только разные языки). Однако этот закон не всегда устойчив. Язык является важным фактором идентичности человека, и поэтому он, сознательно или подсознательно, постоянно делает выбор относительно того, какой язык – какие слова и выражения – употреблять. В социально-политическом смысле более престижная форма языка не всегда занимает первое место в шкале оценок говорящего (напр. литературный язык / диалектные формы языка). По нашему мнению, это хорошо заметно в том, как изменилось в последние годы в Финляндии отношение к разным диалектам финского языка. Сегодня диалектный язык представляет собой что-то ценное, и его хотят сохранить. В 1990-ые годы в Финляндии даже говорили о «диалектном буме».

1.1. Языковые изменения, вызванные контактами народов

Согласно С.Г. Томасон, «языковое изменение, вызванное контактом (*contact-induced language change*) – это любое языковое изменение, которое, вероятно, не произошло бы без определенной языковой контактной ситуации» (Thomason 2001:62). Она отмечает, что один из самых важных социальных факторов, влияющих на то, какие изменения язык-адресат испытывает в контактной ситуации, – это отсутствие или наличие несовершенного владения вторым языком. Она ограничивает употребление термина «заимствование» такими случаями, когда несовершенное владение вторым языком не является важным фактором в процессе интерференции. В процессе заимствования новые языковые элементы приносит в язык обычно человек, который свободно владеет языком-адресатом. (Thomason 2001:68.) Мы будем обсуждать вопрос о заимствовании подробнее ниже в этой главе – для нашей работы интерференция именно этого типа является существенной. Согласно С.Г. Томасон, другой тип языковой интерференции – когда несовершенное владение играет роль в процессе интерференции – актуален в таких ситуациях, когда представители какой-то языковой группы переходят в другую языковую группу (*shift induced interference*). В таком случае языковые изменения отличаются от тех изменений, которые заимствуются в язык. Самое значительное различие именно в порядке возникновения черт интерференции: когда несовершенное владение – неважный фактор, сначала обычно заимствуется лексика, потом только структура. Но когда

речь идет о смене языковой группы, сначала наблюдаются изменения в сфере фонологии и синтаксиса. (Thomason 2001:74-75.) Такой тип интерференции требует более интенсивного и продолжительного контакта, чем заимствование – лексическое заимствование же может происходить и при самом случайном языковом контакте и даже без элементарных знаний о языке (там же:72). Из лингвистических факторов, являющихся важными при процессах интерференции, С.Г. Томасон упоминает, прежде всего, интеграцию языковых черт в системе языка-источника и типологическое расстояние между языками в контакте. Такие черты, которые являются тесно структурированными в языковой системе (например, флективная морфология) не заимствуются так легко, как менее структурированные черты. С.Г. Томасон все-таки подчеркивает, что лингвистические факторы не являются такими вескими относительно результатов языкового контакта, как социальные факторы. Особенно она акцентирует важность психологического отношения носителя языка-адресата к языку и культурным обстоятельствам. (Thomason 2001:77.) Оба фактора, степень и направление интерференции, зависят, в первую очередь, от собственного языкового опыта человека (Thomason, Kaufman 1991:35).

У. Вайнрайх, в свою очередь, подчеркивает долю билингвов в определении процесса интерференции. При этом под понятием «билингва» он подразумевает человека, владеющего двумя отдельными языковыми системами, которые не обязательно являются разными языками, а могут быть и диалектами одного языка. По его определению, интерференция – это отклонения от норм определенного языка в речи билингва в результате языкового контакта. По определению У. Вайнрайха, языки находятся в контакте, когда они употребляются попеременно теми же говорящими – билингвами. (Weinreich 1974:1.) Разумеется, что те языковые изменения, которые билингвы приносят в язык, могут осуществляться и на более глубоком уровне языка, чем те изменения, которые приносят унилингвы: согласно определению С.Г. Томасон, в процессе заимствования владение вторым языком - не важный фактор, а в таких процессах интерференции, когда оно является существительным, количество двуязычных более высокое (Thomason 2001:70). Также У. Вайнрайх отмечает, что при переносе лексических черт в язык двуязычие не такой веский фактор, как в процессе фонетической или грамматической интерференции (Weinreich 1974:56).

В исследовании языкового контакта социально-культурные и психологические факторы являются достойными внимания. Социолингвист У. Лабов даже констатирует, что термин «социолингвистика» негоден потому, что серьезного лингвистического исследования, в котором социальный аспект не содержится автоматически, просто не может существовать, так что оппозиция «лингвистика – социолингвистика», по его мнению, несущественна (Labov 1974:3). Именно вышеупомянутые факторы порождают то, что, хотя мы можем делать какие-то предсказания о языковых изменениях, их конкретный способ реализации в языковом контакте остается непредсказуемым.

1.2. О характере языкового заимствования

Самый простой и обычный результат языкового контакта – это заимствование слов. Многие заимствования в языке свидетельствуют о тесном языковом контакте, но, с другой стороны, отсутствие заимствований не свидетельствует об отсутствии контакта; языки отличаются друг от друга по своей способности заимствовать. (Thomason 2001:10-11.) Такую точку зрения поддерживает и Э. Сепир: он констатирует, что некоторым языкам – несмотря на степень интенсивности культурных контактов – просто более свойственно создавать свои слова, обозначающие новые понятия, чем заимствовать новые слова с новым культурным элементом (Sapir 1971:196). Но какие черты языка могут заимствоваться? В лингвистической литературе встречаются утверждения, что некоторые черты языка вообще не заимствуются. Однако эти утверждения не считаются правдивыми. Ни одна зона языка не является иммунной к языковым изменениям в достаточно продолжительной и интенсивной контактной ситуации (Thomason 2001:63). Заимствовать можно само слово, это – заимствование в узком смысле (Зализняк, www). Макс Нидерманн назвал заимствования данного типа «*грубыми заимствованиями*» (*emprunts bruts*) (Nakulinen 1999:110). «Простые заимствования» – прямо заимствованные лексические элементы – встречаются в принципе в каждом языке. (Weinreich 1974:47). Заимствования должны адаптироваться в фонологической системе языка-адресата: такие звуки, которых нет в своей фонологической системе, заменяют своими звуками (Зализняк, www). С.Г. Томасон называет этот процесс адаптации нативизацией («*nativization*») (Thomason 2001:272). Приведем один пример из нашего материала: в звуковом облике слова «**kalpaasi**» от русс. «колбаса» из-за нетипичности звука «б» для финской звуковой системы произошла замена звука «б» звуком «п». Мы рассмотрим процессы адаптации подробнее в разд. 1.3.1.

У. Вайнрайх выделяет две основные группы лексической интерференции. В первую группу входят простые слова, а также некоторые словосочетания, которые воспринимаются как простые и заимствуются в нерасчлененной форме. (Weinreich 1974:47). В нашем материале заимствования данного типа представляют слова типа «**tievuska**» («девушка»), «**potsiemuska**» («подсолнечное семечко») и «**ahtiis**» («ах ты»). Ко второй группе лексической интерференции относятся такие лексические единицы, которые состоят из более, чем одной корневой морфемы. Данная группа включает в себя сложные слова, словосочетания или слова, состоящие из сочетания элементов родного и другого языка (Weinreich 1974:50). В качестве примера, мы можем привести следующие слова из нашего материала: «**risintkapatingit**» («резиновые ботинки»), «**taarai nakoma**» («старый знакомый»), «**pielaipulla**» («белый хлеб»).

В этимологическом анализе (частью которого изучение заимствований является) можно опираться не только на лингвистику, но и, например, на археологические, исторические или фольклорные данные. Как отмечает К. Хяккинен, предполагаемые изменения в языке нужно связать с изменениями во внеязыковом мире потому, что язык как самостоятельная система, редко содержит такие элементы, по которым возраст и порядок возникновения разных его компонентов могли бы быть точно определены (Häkkinen 1985:46-47). Однако происхождение большинства слов, рассматриваемых нами, обнаруживается относительно легко, так как они являются прямыми заимствованиями из русского языка и при этом, молодыми – они входят в число поздних славянских (русских) заимствований. Иначе обстоит дело с опосредованными заимствованиями, проникшими в язык через другой язык; их образ мог измениться уже так сильно, что первоначальное происхождение гораздо сложнее показать (Зализняк, www). Такие слова, которые проникли в финский язык через русский, но коренятся первоначально в каком-то третьем языке, встречаются и нашем материале. В качестве примера, мы приведем слово «**tapuna**», которое было заимствовано русским языком из турецкого языка, но в финский язык пришло именно из русского.

С.Г. Томасон предлагает схему заимствования (Thomason 2001:70-71), в которой изображена степень и вид заимствования в отношении к интенсивности контакта. В основе лежит вполне понятная идея о том, что чем интенсивнее контакт, тем сильнее интерференция. На самой низкой степени по схеме, при непостоянном, случайном контакте, заимствуется только лексика, причем неосновная лексика, потому что основные слова, (напр. личные местоимения, названия

членов семьи и родственных отношений) не заимствуются легко – ведь языки не нуждаются в таких словах, так как они уже присутствуют в каждом языке. Легче заимствуются неосновные «культурные» слова – с новым культурным предметом заимствуется и его название. С ростом интенсивности контакта и сфера заимствований расширяется (в языке могут появиться и союзы, основная лексика и также структурные элементы). (Thomason 2001:70-71.) Но, как мы уже подчеркивали, язык имеет социальный характер, он - часть человеческой коммуникации, и, таким образом, в принципе невозможно представить полностью надежные схемы его развития. В нашем материале большинство слов – существительные, которые относятся к неосновной части лексики. Однако в нем встречаются и некоторые заимствования, которые, безусловно, являются частью основной лексики, например слово «**vunukka**» (от русс. «внук»). В данном случае мы считаем возможным, что на усвоение данного заимствования повлияло то, что финский эквивалент «lapsenlapsi» более длинный, и, следовательно, более «сложный» в повседневном употреблении. В материале, изучаемом нами, представлены и другие грамматические категории, чем существительные, которые могут заимствоваться также при неинтенсивном контакте (Thomason 2001:69). Это, на наш взгляд, можно принимать как знак того, что языковые контакты между русским и финским языками на Карельском перешейке, не остались совсем поверхностными.

1.2.1. Калькирование и типы калек

Калькирование является менее изученным способом пополнения словарного запаса, чем прямые, «грубые» заимствования (Nakulinen 1999:110). По определению Л. Хакулинен, под калькированием имеется в виду создание слова или словосочетания, в точности подражающего внутренней форме иностранного слова или выражения (Nakulinen 1969:13). Кальки часто могут не ощущаться как заимствования именно потому, что они создаются из материала своего языка.

Л. Хакулинен выделяет четыре группы калек: фразеологические, синтаксические, морфологические и лексические (Nakulinen 1999:119). Так как существенными для нашей работы являются только лексические кальки, мы не будем анализировать другие типы калькирования. Среди лексических калек Л. Хакулинен выделяет т.н. настоящие кальки и т.н. семантические кальки. В первую группу входят все кальки, которые первоначально возникли

по образцу иностранного слова, т.е. они раньше не существовали в языке-адресате. Вторая группа включает в себя такие слова, которые получили новое, переносное значение по образцу иностранного примера (Hakulinen 1999:199). В качестве примера настоящей кальки можно привести русское слово «мировоззрение» от нем. *Weltanschauung*. Глагол «трогать» в своем переносном значении «волновать чувства» является семантической калькой от франц. *toucher* (Зализняк, www). В нашем материале иногда встречаются кальки первого типа (ср. напр. «**siemenvoi**» - «семенное масло» или «**sokurhiekkä**» - «сахарный песок»).

1.3. Причины лексического заимствования

Что же лежит в основе процесса заимствования? В самом простом случае, культурное и лексическое заимствование идут рука об руку – новое слово заимствуется вместе с новым понятием или предметом. Часто лексическое заимствование объясняется тем, что заимствующий язык нуждается в словах в той культурной сфере, в которой контакт осуществляется (Weinreich 1974:3). Рассматривая вопрос о причинах заимствования, У. Вайнрайх обращает внимание на факторы, вызывающие лексические нововведения в общем плане, не только относительно заимствования из других языков. Кроме потребности назвать новые понятия, он упоминает и некоторые внутренние лингвистические факторы. Один из таких факторов – частота проявления слова. Слова, которые встречаются редко, более склонны к замене, чем слова с высокой частотностью (Weinreich 1974:57). Однако в нашем материале встречается много примеров противоположной тенденции: в говоре средней части Карельского перешейка заимствовалось много слов, обозначающих повседневные понятия или вещи, и, следовательно, относящихся к словам с высокой частотностью. Другая побудительная причина лексического новаторства, по мнению Вайнрайха, – это желание избежать омонимии. Новые слова требуются для подчеркивания различия слов, похожих по своим фонетическим чертам. Третья причина, упоминаемая У. Вайнрайхом, близка к предыдущей – это постоянная потребность в синонимах. Экспрессивные слова и выражения теряют свой характер от частого употребления, и поэтому языки постоянно нуждаются в новых, ярких выражениях. (Weinreich 1974:57-58.) В. Ярва отмечает, что экспрессивность и иностранное происхождение слова часто тесно связаны. Он констатирует также, что заимствованные слова имеют склонность к новой мотивации и легко приобретают экспрессивный характер. (Järva 2003:97.) Это явление хорошо видно и в нашем материале (ср., напр., разд. 4.6. «**tiela**» - «проблема» от русс. «дело»). Что

касается билингов в заимствующей группе, У. Вайрайх перечисляет еще некоторые факторы, побуждающие к лексическому заимствованию. Один из этих факторов – это разная степень дифференцирования слов или выражений в разных языках. Билингв может считать выражения одного языка превосходными и более точными в сравнении с выражениями другого языка и поэтому вводит в язык новые слова. Другой возможный толчок к заимствованию – опять же престиж одной языковой формы. Кроме этих двух причин, новые слова могут приноситься в язык и без сознательной причины. (Weinreich 1974:59-60.)

1.3.1. Процессы освоения заимствованных лексем

А.В. Калинин отмечает четыре пути адаптации заимствованных лексем: фонетический, графический, грамматический и лексический. Нас интересуют особенно фонетическое и лексическое освоение. Два остальных, по нашему мнению, не требуют особого внимания в рамках данной работы – все слова в нашем материале изменялись графически и грамматически. Под фонетическим освоением подразумевается подчинение иностранного слова фонетическим законам заимствующего языка. В качестве примера закономерного фонетического изменения из нашего материала служит замена звонких звуков глухими звуками (напр. «**tenki**», от русс. «деньги») – звонкие звуки «d» и «g» не свойственны диалекту средней части Карельского перешейка. Что касается лексической адаптации, освоенным иностранное слово считается тогда, когда «**в значении** его не остается ничего, что указывало бы на его иноязычное происхождение». Заимствования, которые не освоены лексически, А.В. Калинин называет экзотизмами – эти слова обозначают понятие, восходящее к иноязычному миру. (Калинин 1978:69-72). Хорошим примером экзотизма в нашем материале является слово «**ropotti**» - *подённая работа в пожалованном имени*, от русс. «*работа*». Среди русских заимствований в диалекте средней части Карельского перешейка экзотизмов встречается много.

По мнению У. Вайнрайха, заимствованные слова могут повлиять на языковую систему тремя путями: 1) старое и новое слово смешиваются, 2) старое слово исчезает или 3) оба сохраняются, но значения специализируются. В данное определение не включаются слова, которые заимствовались вместе с новым понятием или предметом – У. Вайнрайх считает, что данные, «лишние» слова не оказывают влияния на уже существующую лексику. Смешение в употреблении своего и заимствованного слова происходит на ранней стадии языкового

контакта, когда новое слово еще не закрепилось. Специализация слов обычно касается как старого, так и нового слова. В нередких случаях заимствования специализируются относительно стиля. (Weinreich 1974:53-55.) В нашем материале хорошим примером этого является слово «**iitua**», которое при заимствовании приобрело негативный оттенок «*задерживаться*». Согласно коренным жителям Карельского перешейка, слова с русским происхождением часто употреблялись более активно, чем их финские эквиваленты. Такие заимствования из нашего материала, как «**juska**» (от русс. «*вьюшка*»), «**lahantka**» (от русс. «*лоханка*»), «**sarrain**» (от русс. «*сарай*»), «**potuska**» (от русс. «*подушка*») и многие другие фактически вытеснили соответствующие финские слова. Одной из причин этого, наверное, служит то, что в нередких случаях финское слово - длиннее (ср. «*вьюшка*» - «**uuninpelti**», «*лоханка*» - «**pesusoikko**»). Можно также предполагать, что часто русские заимствования в диалекте средней части Карельского перешейка имели специализированный характер – «**kortavoi**» обозначал полицейского именно в Санкт-Петербурге, а не в Финляндии. Потребность для синонимии, наверно, также играла роль в заимствовании – новые слова, как «**oposa**» (от русс. «*обоз*») и «**vatakka**» (от русс. «*ватага*») не полностью заменили родные «**joukko**» и «**sakki**».

1.3.2. Механизмы языковых изменений, вызванных языковыми контактами

В качестве самого важного механизма, через который в языке появляются (особенно лексические) заимствования, С.Г. Томасон отмечает переключение кода (*code-switching*). Это - параллельное использование двух языков в одном и том же высказывании одного человека: говорящий меняет язык или внутри предложения (*intrasentential code-mixing*) или смена происходит на границе предложений (*intersentential code-mixing*). Но когда переключение кода превращается в перманентное заимствование? Границы между этими двумя явлениями иногда сложно указать. С.Г. Томасон предлагает следующие индикаторы: если монолингвы в адресатной группе употребляют слово, его, наверное, уже можно рассматривать как постоянный элемент интерференции. Другой индикатор – это степень интеграции слова в фонологических законах адресатного языка, т. е. нативизация (*nativization*). Если слово адаптировалось фонетически, оно, наверное, определяется как заимствование. Но, с другой стороны, если оно не адаптировалось, оно может быть или заимствованием, или результатом переключения кода. Заимствование же может проникнуть в язык в своей первоначальной

фонетической форме, несмотря на то, что эта форма может быть несвойственна для заимствующего языка. (Thomason 2001:132-134.) Приведем пример из финского языка: некоторые заимствования, например «olympia», «rujama» и «styroksi» не подверглись гармонии гласных, как родные финские слова, но они, безусловно, являются прочными заимствованиями в финском языке. В данных словах отражается нетипичный для финского языка фонетический облик – они заимствованы из шведского языка, в котором гармонии гласных нет. По мнению С.Г. Томасон, третий критерий, - это частота проявления определенной черты языковой интерференции. Если слово встречается в речи часто, оно уже стало постоянной частью словарного запаса, но если оно встречается только раз, оно, вероятно, следствие переключения кода (там же:134). С.Г. Томасон отмечает еще одно свойство, по которому можно определить слово. Переключение кода обычно не происходит внутри слова, т.е. между основой слова и аффиксом или между двумя аффиксами. (там же:135.) Отсюда вытекает, что если внутри слова встречается элемент чужого языка, слово является заимствованием, а не последствием переключения кода. Такие примеры отмечаются и в нашем материале заимствований (напр. «**kuinepuit**», «**kymmenniekka**» и др.).

1.4. Русско-финские языковые контакты

Сегодня господствует взгляд, по которому первые контакты между предками финнов и славян установились во второй половине первого тысячелетия (Häkkinen 1996:162), когда восточнославянские племена переселились к северу во время Великого переселения народов (Ojanen 1988:12). К этому периоду восходят первые заимствования славянского происхождения. Этот слой заимствований является общим для всех прибалтийско-финских языков, хотя, вероятно, данные слова проникли в разные языки отдельно (Häkkinen 1983: 242-243). Хотя больше контактов установилось в восточных частях Финляндии, К. Хяккинен отмечает, что славянское влияние могло распространиться и до западной Финляндии (Häkkinen 1996:165). Ученые соглашаются с тем, что контакты между славянскими и финно-угорскими языками являются значительно моложе, чем контакты, напр., с балтийскими и германскими языками. (Häkkinen 1996:162). Доказательством освоения слов славянского происхождения в поздней стадии развития языка – по сравнению с первыми заимствованиями из германских и балтийских языков - служит и то, что многие из этих слов по своему значению относятся к

такой сфере культуры, что они не могли быть заимствованы до определенного периода, напр. «rappi», «risti», «rakana» (см., напр., Лейнонен 1986:54).

Славянские заимствования в финском языке обычно делятся на два слоя по фонетическим критериям (Jarva 2003:35). К. Хяккинен отмечает, что слова первого слоя относятся ко второй половине первого тысячелетия и являются заимствованиями из древнерусского языка. Определенные фонетические черты все-таки намекают на заимствование из более ранней, праязыковой формы: некоторые заимствования славянского происхождения в финском языке отражают отсутствие полногласия, типичное для славянского праязыка (ср.фи. «taltta» - прасл. «*долто» - древнерусс. «долото»). (Häkkinen 1996:164.) Однако, например, Л. Хакулинен относится с подозрением к утверждению, что самые старые славянские заимствования восходят к праславянскому языку (употреблялся примерно до V века). Он констатирует, что большинство славянских заимствований раннего слоя имеют корни в древнерусском языке, и их заимствование относится к IX веку. (Häkkinen 1979:364.) Ранние заимствования уже так прочно адаптировались в финской языковой системе, что без подробного лингвистического анализа их происхождение не обнаруживается. Среди старых славянских заимствований встречаются многие важные т.н. культурные слова, например слова, связанные с одеждой или ткачеством («kaatiot», «pirta» «saapas»), с постройками («pirtti», «säppi», «veräjä») и с земледелием («naatti», «muokata», «sirppi»). Выделяются также слова, относящиеся к рабочим инструментам («kassara», «taltta») и средствам передвижения («lotja»), хозяйству («lusikka», «piirakka») и торговле («määrä», «tavara»), христианству («rakana», «rappi», «risti»). (Häkkinen 1985:138.) Кстати, интересно, что хотя христианство пришло в Финляндию с запада, названия некоторых самых центральных понятий заимствовались с востока. Данные слова не считаются знаком обращения в христианство со стороны славян, а отдельными заимствованиями, которые проникли в язык до христианства (Häkkinen 1979:366).

В. Ярва констатирует, что более новый слой славянских заимствований восходит к современному русскому языку и проник в финский язык, начиная с XVIII века (Jarva 2003:35). Согласно К. Хяккинен, данный слой слов восходит преимущественно к концу XIX века, к временам автономии, и включает в себя, главным образом, слова, связанные с общественной жизнью и социальным строем (Häkkinen 1985:137-138). Вероятно, освоение русских слов в финском языке оживилось во время автономии, но важно все-таки помнить, что контакты не

прекратились между двумя главными периодами заимствования. Особенно это касалось жителей у восточной границы. Важнейшим толчком к более близким отношениям с русским народом было строительство города Санкт-Петербург в 1703-ем году (см. гл. 3.) Связи с Россией, особенно ее новой столицей и ее жителями, укреплялись и стали существенной частью жизни, в частности, на Карельском перешейке. Это не могло не оставить след в диалектах данного края – особенно это видно в сфере лексики. Иначе обстоит дело в карельском языке, на который русский язык и русская культура повлияли гораздо сильнее, чем на финский язык (Ojanen 1989:22). Карельская культура¹⁾ находилась под влиянием русской материальной, духовной и религиозной культуры сотни лет, и это оказывало влияние и на языковую систему на более глубоком уровне. Одним из важных факторов, оказывающих влияние на это, была высокая степень двуязычности среди российских карелов: кроме многочисленных лексических заимствований, в карельском языке наблюдается значительное русское влияние и в сфере морфологической и синтаксической структуры (Ojanen 1988:22-23).

Можно полагать, что славянские заимствования в финском языке именно русские слова. Тем не менее, Й. Калима отмечает, что не все ученые согласны с тем, что только восточнославянская группа повлияла на финно-угорские языки (Kalima 1952:26). Однако на основе географических и также социально-политических и культурных факторов заимствования более нового слоя могут считаться, бесспорно, русскими. Если рассматривать заимствования в диалекте средней части Карельского перешейка, кажется очевидным, что они восходят именно к русскому языку, благодаря тесным культурным связям и взаимодействию между финнами и русскими в данном районе.

Количество заимствованных слов в финском языке довольно сложно определить – кроме корней слов, мы должны принять во внимание как производные слова, так и словосочетания, которые содержат заимствованный материал. Также ненадежность многих этимологических определений затрудняет эту задачу. (Häkkinen 1985:149.) Некоторые подсчеты, все-таки, проведены. Л. Хакулинен подсчитал по данным текстов (2000 слов, в первую очередь политическая проза, но и современная поэзия), что примерно 15% слов финского языка

¹⁾ Под карельской культурой здесь имеется в виду культура и язык исконно российской Карелии.

является заимствованиями, причем 1,2% славянского происхождения. В это число не входят кальки. Если учесть кальки, заимствований, в действительности, больше (Hakulinen 1978:480-481). К. Хяккинен представляет подсчет, основывающийся на 1000 самых общих слов финского языка. Среди них содержится 37,1 - 46,9 % заимствований, из которых 3,7 – 4,0 % славянского происхождения, когда подсчитали все лексемы. (Häkkinen 1985:150.) На результат оказывает влияние, конечно, и то, что исследования проведены в разное время – первое в 1946-ом году, а второе - в 1984-ом году. Мы можем также утверждать, что колебаний в количестве заимствований между разными диалектами финского языка очень много. Многие из русских заимствований в финском языке входят в словарный запас только восточных диалектов, и если они проникли в литературный язык, то через восточные диалекты (Häkkinen 1985:139).

2. Диалект: основные признаки

В данной главе мы будем обсуждать некоторые важные для диалектологии понятия. Мы будем обращать особое внимание на термины «*диалектный язык*» и «*литературный язык*», которые, как нам, кажется, не легко определить. В принципе каждый из нас, наверное, имеет какое-то представление о том, что такое диалектный язык, но определить его точно и четко - достаточно сложно. При этом можно утверждать, что данные понятия не являются только лингвистическими, а в их определении социальный аспект особенно важен.

Далее мы сосредоточимся на финской диалектологии, кратко излагая ее историю и также историю развития литературного финского языка. Литературный язык, действительно, не развивался (и не развивается) сам собой, а на него оказывали глубокое влияние отношения и предпочтения самих участников процесса создания национального языка, а также исторические обстоятельства.

2.1. Предмет и основные понятия

Учебник «Русская диалектология» определяет диалектологию следующим образом – «это наука о территориальных разновидностях языка (диалектах)». Как третью разновидность языка, кроме территориальных диалектов и литературного языка, «Русская диалектология» отмечает социальные диалекты, которые отличаются от литературного языка только своей лексикой, а не фонетическими или грамматическими чертами, как территориальные диалекты. (РД 2005:5.) В определении предмета диалектологии самый важный момент именно территориальность языковой формы, в отличие, напр., от социолингвистики, которая во многом опирается на социальные факторы на фоне языковой формы. П. Нуолиярви отмечает, что «(Финская) диалектология сосредоточивается на местных диалектах и связи между ними с целью описать историческое развитие (финского) языка и факторы, влиявшие на него». (Nuolijärvi 2005:2-3.)

В русской терминологии иногда вместо «*диалекта*» употребляется термин «*говор*», хотя эти два понятия не совпадают полностью, понятие «*диалекта*» – более широкое. Энциклопедия «Русский язык» определяет «*диалект*» следующим образом: «Диалект выделяется как группа

говоров, объединенных общностью языковых черт, принятых в качестве существенных для диалектного членения, а также общностью территории, на которой эти говоры распространены...» (РЯЭ 1997:113). Иными словами, в основе «диалекта» лежит понятие «говор». По определению «Русской диалектологии», говор – это основная единица территориальных диалектов и выделяется как «язык одного или нескольких соседних населенных пунктов, однородных в языковом отношении» (РД 1989:7). В совокупности все говоры одного языка образуют диалектный язык. При определении одного диалекта или говора важны, наряду с языковыми чертами, и внеязыковые факторы и в неясных случаях – экстралингвистические данные, такие как этническое самосознание носителя диалекта (РЯЭ 1997:113).

Каждый говорящий имеет свой диалект, т.н. «идиолект» – собственный язык одного человека. Хотя диалектология сосредоточивается на изучении более крупных объединений говоров, отдельные люди являются важными информантами, ведь мы не можем изучать язык какого-то общества, не опираясь на сведения, полученные от отдельных информантов. Все говоры, диалекты и наречия (группы диалектов) состоят из «языков» отдельных людей. При определении идиолекта и говора часто возникает проблема: где их граница? Согласно М. Раполе, эту границу невозможно указать точно, и часто ее определение зависит от субъективного мнения исследователя (Rapola 1990:10-11). Языковое взаимовлияние приближает идиолекты друг к другу и отсюда следует, что языковые нововведения распространяются так, что частное становится общим. М. Рапола отмечает, что чем меньше общих черт принимают во внимание, тем более крупные диалектные объединения образуются (Rapola 1961:10).

Географическое распространение разных диалектов изображается с помощью «изоглосс» – это границы лингвистических черт на карте. С помощью изоглосс определяются границы между разными диалектами, говорами или наречиями – там, где изоглоссы образуют пучки, сгущаются, там, наверное, находится и граница диалектного варианта (Söderholm 1998:577). Установление границы территориальных диалектов (или говоров) – весьма сложная задача. Ведь диалектные черты не всегда подчиняются географическим или муниципальным мемам, а постепенно сливаются друг с другом. Отсюда следует, что если один диалект ограничивается строго на определенной территории, это делается вернее на социально-политической основе,

чем на лингвистической (Trudgill 1984:15). Языковые территории, образующие изоглоссы, могут распространяться и за пределы страны. Э. Сёдерхолм пишет о языковых континуумах, имея в виду такую цепь диалектных вариантов языка, где говорящие на соседних диалектах понимают языковой вариант соседней группы, а диалекты в концах цепи непонятны друг другу. Эти континуумы не подвергаются официальным языковым границам. Хорошим примером этого являются саамские языки, которые распространены на территориях Северной Финляндии, Норвегии и Швеции. (Söderholm 1998:577.)

2.2. Диалект или язык?

Определить язык и диалект и разницу между ними не так легко, как на первый взгляд кажется. Эдвард Сепир пишет, что для лингвиста такой принципиальной границы, которая отличала бы язык от диалекта, нет (Сепир 1993:216). Часто диалектный язык определяется через его отношение к более престижному литературному языку. «Диалект рассматривается как отступление от стандартной формы...», - пишет Сепир (там же:217). Однако такое противопоставление языка и диалекта в лингвистическом смысле непригодно. Согласно «Русской диалектологии», основная разница между литературным и диалектным языками, помимо территориальной ограниченности диалектов, - именно их разные функции. Литературный язык является языком культуры (политики, науки и т.д.) и бытовым языком образованных людей. Диалекты, в свою очередь, являются языком сельского населения (РД 1989:6). В этом определении сразу ощущается некое негативное отношение к диалектному языку. Интересно также финское слово «**murre**», обозначающее диалект. Оно происходит от глагола «**murtaa**» - «ломать». В этом заключается мысль о том, что человек, говорящий на каком-то (чужом) диалекте, говорит как-то неправильно, нарушает законы языка, «ломает» его (Rapola 1990:8). В таком образе мышления отражается этноцентрическое отношение человека к окружающему миру - склонность считать свою группу, или в этом случае, языковой вариант своей группы правильным и как-то более естественным, чем язык других групп. Часто также противопоставляют литературный и диалектный язык именно так, что в основе лежит «правильный» литературный язык, и диалекты как будто вторичны, хотя такая субординация с точки зрения лингвистики совсем не пригодная.

На наш взгляд, достаточно корректное определение диалекта предлагает М. Рапола. По его мнению, диалект определяется через его отношение к другим формам одного языка, т.е. диалекты определяются как диалекты только через их отношение к более широкому целому, или «языковому обществу», частью которого они являются. С этой точки зрения, и литературный язык, по крайней мере, его устная форма, является диалектом. (Rapola 1990:9.) При этом, диалект определяется не как территориальная разновидность языка, а как один вариант из многих языковых форм. «Русская диалектология» выделяет три основные функциональные разницы между литературным и диалектным языками: литературный язык имеет и устную, и письменную формы, диалектный, в свою очередь, только устную; литературный язык является кодифицированным, а диалектный – ненормативным, и, наконец, литературный язык имеет больше стилистических возможностей, а диалектный – значительно меньше (РД 1989:6-7). Но при этом надо подчеркнуть тот факт, что самые важные разницы между литературной и диалектной формой языка являются именно социальными. В лингвистическом смысле нельзя утверждать, что одна из двух, или, скорее, одна из многих языковых форм (т.е. литературная форма языка) более «чистая» и правильная. Такое престижное положение устанавливают условно – никакая форма языка не имеет по определению.

Одно важное и общее почти всем определениям понятие при лингвистическом определении диалекта – это его устность. Р.И. Аванесов пишет: «--Если та или другая разновидность диалектного языка в прошлом приобретала письменность, то она стремилась стать языком народности, а затем нации и утрачивала в письменности специфику своих диалектных черт.» (РЯЭ 1979:73). Э. Сёдерхолм констатирует, что с лингвистической точки зрения, диалект лучше определить как какой-то определенный устный вариант языка. При этом литературный язык не определяется как диалект (когда под диалектом понимается какой-то устный вариант языка, не только территориальный диалект) потому, что кодифицированный литературный язык не имеет устной формы. Э. Сёдерхолм идет по следам Р.И. Аванесова, когда констатирует, что язык «диалектной литературы» уже не диалектный язык – когда какую-то форму языка облачают в письменный вариант, ее нормируют, и, следовательно, она уже не диалектный язык, а литературный (Söderholm 1998:574). При этом важно уточнить финскую терминологию, так как русская и финская терминология не совпадают полностью. Согласно К. Хяккинен, в финской лингвистике понятие «литературный язык» («kirjakieli») употребляется, в первую очередь, в

значении «письменный литературный язык». Она добавляет, что под термином «yleiskieli», в свою очередь, подразумевают как устный, так и письменный вариант литературного языка (Häkkinen 1994:17). Однако употребление этих двух понятий, «kirjakieli» и «yleiskieli», колеблется. Часто термин «yleiskieli» употребляется в значении «устный вариант литературного языка», а в повседневном общении термин «kirjakieli» в значении «письменный и устный вариант литературного языка». Русский термин «общелитературная речь» в какой-то степени соответствует термину «yleiskieli», но они не синонимы. В данной работе мы употребляем русский термин «литературный язык» как в значении «письменный вариант литературного языка», так и в значении «устный вариант литературного языка», и уточняем, когда необходимо.

Когда же две формы речи являются диалектами одного языка и когда двумя отдельными языками? Часто считают, что если говорящие не понимают друг друга, то речь идет о разных языках, а если их формы речи настолько одинаковы, что беседующие понимают друг друга, то речь идет о диалектах одного языка. Однако этот критерий взаимопонимания (“mutual intelligibility”), по нашему мнению, достаточно ненадежным. В некоторых случаях носители двух разных языков (напр. норвежский/ шведский) могут, по крайней мере, в какой-то степени понимать друг друга, между тем как два носителя одного языка могут испытывать огромные трудности, пытаясь понять диалектный язык другого. На то, как хорошо или плохо говорящие понимают друг друга, влияют не только лингвистические факторы, но и, например, психологическое отношение к другой группе и степень опыта в использовании разных языковых вариантов (Söderholm 1998:575-576). Более важным критерием в определении языка и диалекта, по мнению Эдварда Сепира, служит степень тех исторических взаимосвязей, которые существуют в речи. Когда разные, близкие друг к другу формы речи расходятся так, что говорящие больше не могут понимать друг друга, и также черты, свидетельствующие об очевидной связи между ними, больше не заметны, лучше использовать термин «язык» (Сепир 1993:216). Это определение также остается довольно нечетким.

П. Траджил констатирует, что в определении двух разных языков критерий взаимопонимания или другие лингвистические критерии не являются такими вескими, как политические и культурные факторы. Он приводит термины «автономия» («autonomy») и «гетерономия» («heteronomy»). Под понятием «автономная форма языка» он имеет в виду самостоятельную,

стандартизированную форму языка, которая, по его словам, «имеет свою жизнь». С другой стороны, нестандартизированные диалектные формы он называет «гетерогенными» - они являются гетерогенными относительно стандартизированной формы языка одной страны. (Trudgill 1984:15-16). При этом в определении языка и диалекта решающими являются именно социальные факторы – условное решение о том, какая форма языка является стандартом.

2.3. Финские диалекты как объект изучения

При рассмотрении финских территориальных диалектов важно помнить, что описание их и территории их распространения относится к тем временам, когда диалекты еще не находились под сильным влиянием литературного языка, языка культуры (Rapola 1990:33). Конечно, как отмечает П. Нуолиярви, местные говоры не совсем вытеснены литературным языком, но сфера их употребления, действительно, сузилась (Nuolijärvi 2005:3). Языковое взаимовлияние людей сглаживает границы между разными формами разговорного языка и передает черты одного говора другому. На уравнивание и сближение разных диалектов, кроме вышеупомянутых факторов, оказывает влияние и престижное положение одной языковой формы в отношении к другим, менее престижным формам, а также, естественно, физические факторы, как, напр., миграция населения, а также положение литературного языка как языка государственных учреждений.

В финской диалектологии уже более трехсот лет выделяют две основные диалектные группы, западные и восточные диалекты. Это разделение ведет начало с грамматики Бартхолдуса Вхаела, с 1773-его года. Он первым разделил финский диалектный язык на две главные группы: *dialectus aboica* (западные диалекты) и *dialectus savonica* (восточные диалекты). (Rapola 1990:23). Современное научное представление об изучении языка и о законах языкового развития стало доминировать в лингвистике только начиная с 80- годов XIX века. (Rapola 1990:27.) В традиционной финской диалектологии ядром исследования было варьирование местных говоров – считали важным сохранить старые формы территориального диалектного языка, так как боялись их исчезновения. При этом информантами подбирали, по возможности, местных и пожилых людей – предметом интереса было выяснить территориальные различия в сфере фонетики, структуры, а также лексики финского языка. Начиная с 1960-ых годов,

исследование имеет социолингвистический характер, как констатирует П. Нуолийярви, это словно обратная реакция диалектологии. (Nuolijärvi 2005:1-3.)

В развитии финского литературного языка важными вехами являются реформация XVI века и возникновение национальных идей в XIX веке. Период старого литературного языка продолжался с 1540 века примерно до 1810 года. В то время самое значительное влияние на структуру финского литературного языка оказывали западные диалекты, так как тогдашним центром администрации был город Турку в юго-западной Финляндии. (Häkkinen 1994:11-12.) Т.н. «борьба диалектов» датируется началом XIX века, когда финский язык приобрел статус культурного языка (там же:442). Одной из причин повышения интереса к восточным диалектам в развитии литературного языка был подъем национальных идей. Реформаторы-фенноманы искали самую чистую, не испорченную чужим влиянием форму языка, и считали, что такая форма встречается именно в восточной Финляндии. В результате борьбы некоторые обновления совершились, но основа финского языка осталась западной. Самые большие изменения произошли в сфере лексики, причем многие русские заимствования проникли в литературный язык через восточные диалекты. (там же: 447-449.)

2.3.1. Юго-восточные диалекты финского языка

Диалект средней части Карельского перешейка относился к юго-восточным диалектам финского языка, которые, в свою очередь, входят в число восточных диалектов. На развитие восточных диалектов, как юго-восточных, так и диалектов Саво, большое влияние оказывал т.н. древнекарельский язык, который лежит и в основе карельского языка и ингерманландских диалектов (Häkkinen 1996:96). Диалект, изучаемый нами, входил в число «собственно юго-восточных диалектов». Кроме него, в данных диалектах выделяют ещё три диалектные группы: промежуточные диалекты района Леми, промежуточные диалекты района Сортавалы и финские диалекты Ингерманландии. (Savolainen 1998 www.) После войн и переселения жителей Карельского перешейка в другие районы Финляндии судьбой собственно юго-восточных диалектов бывшей Финской Карелии стало постепенное слияние с окружающими диалектами в новых местах жительства. В сегодняшней Финляндии юго-восточные диалекты используются в районе Лаппеенранты и Иматры (Savolainen 1998 www).

Исследователи спорят о старой территории собственно юго-восточных диалектов финского языка. Согласно Э. Саволайнену, данная территория включала в себя Карельский перешеек, причем ее граница на юге была в Терийоки, на западно-северном - в Луумяки, Миехйккяля и Виролахти и на восточно-северном - в Яаккиме и Саари (Savolainen 1998, www). М. Рапола, в свою очередь, вообще не определяет южную границу территории, потому что считает, что некоторые черты диалекта распространяются на территорию ингерманландских диалектов (Rapola 1990:139). Это служит хорошим примером сложности строгого территориального определения диалектов – изоглоссы могут не соответствовать территориальным и диалектным границам (см. выше раздел 2.1.).

Согласно М. Раполе, юго-восточная диалектная группа характеризуется своей гетерогенностью. Вследствие своего расположения вблизи оживленного транзитного маршрута, диалект данного края испытал большое влияние как восточных, так и западных форм диалектов финского языка. (Rapola 1990:138-139). К этому можно добавить те результаты языковых связей, которые родились из контактов с русским или шведским языками. Также большие исторические события (см. гл. 3.) вызывали изменения на территории этих диалектов. Приведем пример: после Столбовского мирного договора 1617-ого года большая часть православного населения губернии Кякисалми переселилась в Россию, убегая от шведской власти. Это привело к тому, что на их бывшее место жительства переселились ингерманландцы. (Rapola 1990:139.) Такие резкие изменения, разумеется, оказывали влияние на развитие диалекта в данном районе.

2.3.2. Особенности юго-восточных диалектов

В данном разделе мы попытаемся кратко описать особенности юго-восточных диалектов. Как выше уже было сказано, данная группа диалектов не является однородной, и поэтому назвать точные черты, общие всем говорам данной диалектной группы является сложной задачей. Поэтому мы придерживаемся в описании самых общих черт. При этом мы, в первую очередь, опираемся на работу М. Раполы (Rapola 1990:140-144). Часть этих черт свойственны всем восточным диалектам, а часть - только юго-восточным диалектам финского языка. С помощью работ М. Раполы и Э. Саволайнена мы составили список типичных черт юго-восточных диалектов в сравнении с финским литературным языком. Данный список далеко не полон, но мы попытались включить в него самые общие и типичные черты данного диалекта.

Т.н. «общая геминация» - типичная черта всех юго-восточных диалектов. Ср. «*makkaan*» - фин. лит. «*makaan*».

1) В конце первого слога перед звуками «*l*», «*r*», «*v*», встречаются «*k*», «*t*», или «*p*», напр. «*mykrä*» - ср. лит. «*myyrä*» (рус. «крот»), «*petra*» - ср. лит. «*peura*» (рус. «олень»), «*putro*» - ср. лит. «*piuro*» (рус. «каша»).

2) Звук «*p*» в спряжении глаголов, напр. 3.л. ед.ч. «*syöp*» - лит. «*syö*» (рус. «ест, кушает» «*juop*» «*juo*» (рус. «пьет»).

3) Формы «*saaha*» или «*soaha*» вместо фин. лит. «*saada*» (рус. «получить») или формы «*jäähä*» или «*jeähä*» вместо фин. лит. «*jäädä*» (рус. «остаться»).

4) Склонение напр. слова «*ruoka*»: «*ruua(n)*» или «*ruuvan*» или «*ruvvan*».

5) Формы «*tulloo*» или «*tulluo*», «*näkköö*» или «*näkkyyö*», фин. лит. «*tulee*», «*näkee*» (рус. «придет», «видит»).

6) Род. пад.1. мн. ч. «*akkoin*», «*poikiin*», «*kaikkiin*» - ср. лит. «*akkojen*», «*poikien*», «*kaikkien*» (рус. «баб», «мальчиков», «всех»).

7) «*Männä*» вместо формы «*mennä*» (рус. «идти») финского литературного языка и западных диалектов.

8) Личные местоимения «*myö*», «*työ*», «*hyö*» - фин. лит. «*me*», «*te*», «*he*» (рус. «мы», «вы», «они»).

9) Суффиксы «*-loi*» «*-löi*» во множественном числе некоторых существительных. По данным Э. Саволайнена, эта черта не встречается в говорах западного побережья (Savolainen 1998 www).

10) Формы «*määjet*», «*meäjet*», «*meät*» вместо фин. лит. «*mäet*» (рус. «холмы»).

11) Чередование *sk* - *s*, «*vaset*» - фин. лит. «*vasket*».

12) Чередование *st* - *s*, «*pessä*» - фин. лит. «*pestä*» (рус. «мыть»), «*juossa*» - фин. лит. «*juosta*» (рус. «бегать»).

13) Сокращение в спряжении глаголов: «*ymmärrä*», «*parana*» - ср. фин. лит. «*ymmärrän*», «*parannan*» (рус. «я понимаю», «я лечу; я улучшаю»).

14) Отсутствие удвоения в произношении: [*tule tänne*] вместо фин. лит. [*tulet tänne*] (рус. «иди сюда»).

15) Выпадение звуков «*a*» и «*ä*» в склонении некоторых существительных: «*maas*», «*maast*», «*tiel*», «*tielt*» - лит. «*maassa*», «*maasta*», «*tiellä*», «*tieltä*». Э. Саволайнен добавляет к этому выпадение звука «*i*».

- 16) Выпадение гласного в спряжении: «*antant*» - ср. лит. «*antanut*».
- 17) Звук «*h*» между гласными в слогах с побочным ударением: «*mielehei*» - лит. «*mieleeni*».
- 18) Вместо формы «*jalkaani*» (рус. «мою ногу»), употребляются следующие формы «*jalkaa*», «*jalkoa*», «*jalkajai*». Эта черта свойственна особенно говорам Карельского перешейка.
- 19) Формы настоящего и прошедшего времени 3.л. мн.ч. типа «*sannoot*», «*antaat*» - лит. «*sanovat*», «*antavat*» (рус. «говорят», «дают»).
- 20) Палатализация (кроме прибрежных диалектов Карельского перешейка) (Savolainen 1998 www).

Из лексических особенностей, безусловно, можно было бы упомянуть большую представительность заимствований, которые коренятся в русском языке или, по крайней мере, проникли в юго-восточные диалекты через русский. Хотя русский язык со временем оказывал влияние и служил источником многих заимствований и в других частях Финляндии, по нашему материалу можно судить, что количество русских заимствований именно на территории диалекта, изучаемого нами, действительно большое.

3. Краткая история Карельского перешейка

В этой главе мы пытаемся кратко описать самые главные и значительные исторические события, влияющие на жизнь на Карельском перешейке. Мы акцентируем более позднюю историю, так как относительно нашей работы, она представляет собой особый интерес. Городу Санкт-Петербургу посвящен свой раздел; его важность для культуры и диалекта территории, изучаемой нами, мы не можем игнорировать; это отражается и в нашем материале заимствованных слов. Мы также обращаем внимание на русско-финские отношения и их развитие в данном районе и, при этом, на вопрос дачного заселения на перешейке. В конце главы мы даём краткий обзор положения русского языка на Карельском перешейке во время автономии.

3.1. Главные черты

В XII веке русский летописец отмечает место поселения на берегах Ладожского озера, которое называлось «Корела» (Kirkinen 1998:38). На этой территории взяла свое начало древнекарельская культура. Древние карелы не составляли одного «культурного целого», и самые важные центры развивались отдельно (там же:41), в том числе и Карельский перешеек.

На историю Карелии и Карельского перешейка очень сильно повлияло их географическое положение между двумя сильными государствами, Россией и Швецией. По мнению Х. Киркинена, первый кризис в Карелии датировался концом первого крестового похода, когда западная католическая и восточная православная церковь боролись за власть на Финском заливе и в районе Ладоги. Перешеек разделили пополам в 1323-ем году после войны между Швецией и Россией. Западная часть попала под власть Швеции, а восточная – России. Как пишет Х. Киркинен, при этом началось разделение карельской идентичности; на западном перешейке влияла шведская культура, а на восточном – русская. На русской стороне карелы приняли православную религию, а на шведской они начали считать себя финнами и обратились в лютеранство. (Kirkinen 1998:42-43.) В 1617-ом году Швеция завоевала область Кякисалми и Ингерманландию. Из-за жесткой налоговой политики и стремления шведской власти обратить жителей данного края в лютеранство многие карелы из области Кякисалми бежали в Тверь, где их потомки живут до сих пор (там же:47).

Вследствие Северной войны 1700-21 гг. Швеция уступила Карельский перешеек, Ладожскую Карелию и юго-восточную часть Финляндии России. Позже, после войны 1741-43 гг., также города Хамина, Лаппеенранта и Савонлинна вошли в состав России. Данный район назывался Старой Финляндией (1710-1809) (Leisiö 2001:20-21), но это название начали использовать лишь в начале XIX века. Старая Финляндия являлась полиэтнической территорией: по историческим причинам в ее городах население состояло из немцев, русских, шведов и финнов, но деревенское население, в свою очередь, было преимущественно финское (Paaskoski 1998:108). На территории Старой Финляндии количество русского населения было значительное. В Выборгской губернии вокруг русских гарнизонов развивалась активная деятельность: строили церкви и лазареты, занимались мелкой торговлей и ремесленничеством. На Карельском перешейке самые главные из русских поселений были деревни Кююрёля (Красное Село) и Райвола в волости Муолаа. Жители этих поселков были, в первую очередь, бывшие крепостные, которых сослали на пожалованные земли во время войны 1700-1721 гг. (Baschmakoff, Leinonen 1990:6). Красное Село состояло из четырех деревень, расположенных по маршруту из Санкт-Петербурга в Выборг. Когда Старую Финляндию присоединили к Российской империи в 1811 г., русские крепостные стали гражданами Финляндии, и так их крепостничество закончилось. Они основали почти полностью русскоговорящее Красное Село (Kuuyrölä). (Baschmakov, Leinonen 2001:21.)

После войны 1808-1809 гг. Финляндию присоединили к России и позже, в 1811-ом году, по указанию Александра I Старую Финляндию присоединили к великому княжеству Финляндии. Й. Пааскоски отмечает, что причиной присоединения являлась экономическая и социальная отсталость Старой Финляндии (Paaskoski 1998:122) и констатирует, что в основе присоединения лежала политика унификации (там же:124). Этой эпохой датируется и возникновение национально-романтических идей в Европе. В Финляндии это означало желание отделиться от шведского духовного наследия. (Kirkinen 1998:49.) Корни финского народа начали искать в Карелии, особенно в Русской, Двинской Карелии. Элиас Лённрот ездил сначала в Северную Карелию, потом в Двинскую Карелию, чтобы собирать народную поэзию. В результате этих путешествий он, как известно, создал «Калевалу». Считали, что в этих народных песнях представляется ядро самой первоначальной финской культуры. Т.н. «карелианизм» оказал глубокое влияние на художественную жизнь Финляндии того времени.

(Sihvo 1998:455-457.) Самым большим кризисом в истории Карельского перешейка был конец Первой советско-финской войны в 1940-ом году, когда Финляндия должна была отдать его вместе с Ладужской Карелией Советскому Союзу. Карелы данных районов были эвакуированы в другие края Финляндии. Они возвратились в родные края в 1941-ом году, когда Финляндия отвоевала территорию, но ненадолго; в 1944-ом году СССР завоевал Карельский перешеек, и он вошел в состав СССР.

3.2. Значение Санкт-Петербурга для развития Карельского перешейка

Глубокое влияние г. Санкт-Петербурга на жизнь людей на Карельском перешейке бесспорно. С самого начала строительства города до закрытия границы в 1917-ом году эта русская столица во многом определяла направление развития жизни в этом крае. Политическое и стратегическое положение Карельского перешейка резко изменилось вследствие основания Санкт-Петербурга в 1703-ем году. Как выше уже было отмечено, после Северной войны и войны 1741-1743 гг. восточная граница Швеции была перемещена, и Карельский перешеек вошел в состав России, после сотен лет нахождения под властью Швеции. (Paaskoski 1998:92.) Свой вклад в строительство города внесли и крестьяне Выборгской губернии – их направляли на принудительные работы в начале строительства города. Эту обязанность они выполняли еще несколько лет после заключения мира в 1721-ом году. (Kaukiainen 1998:144.)

Со временем жителям перешейка стало ясно, что новая столица Российской империи предоставляет также много возможностей зарабатывать. Город Петра I вырос удивительно быстро, и спрос на продукты питания, строительные материалы и дрова в этой метрополии был масштабным (Kaukiainen 1998:144). Сведений о первых годах петербургской торговли мало, но Ю. Каукиайнен констатирует, что, возможно, торговые отношения с Санкт-Петербургом - по крайней мере, в небольшом количестве - установились уже до заключения мира 1721-ого года. Во всяком случае, в XIX веке вывоз из Финляндии в Санкт-Петербург был уже оживленным (Kaukiainen 1998:145) и составил значительную часть дохода многих крестьян на Карельском перешейке. Петербургская торговля оказывала большое влияние на сельское хозяйство, вызывая его структурное изменение в данном крае: животноводство развивалось быстрее земледелия, так как петербургский рынок нуждался, в первую очередь, в мясе и молочных продуктах. Из-за структурного изменения большая часть Финской Карелии потеряла свое

самообеспечение хлебом. (Hämynen 1998:167-168.) Хлеб ввозили из России (Karste-Liikkanen 1968:172). На это изменение оказывал влияние и т.н. «дачный период» (см. ниже, разд. 4.2.).

3.3. Пожалованные земли и дачный период: русские на Карельском перешейке

Период расцвета так называемого «дачного периода» датируется концом XIX века. Русские, преимущественно петербуржцы, начали ездить на Карельский перешеек на летнее время. Согласно В.Хямяляйнена в основе данного обычая лежит система пожалования земель, которая сделала возможным русское землевладение в Выборгской губернии. (Hämäläinen 1985:117.) В XVIII веке чиновников и военных награждали пожалованными землями за службу государству. Владелец земель имел право обложить налогом пожалованные ему деревни и имения. В т.н. поместьях владелец имел это право только, пока он служил царю, но т.н. вотчины переходили по наследству. (Paaskoski 1998:114-116.) Вопрос о пожалованных землях разрешился только во время автономии, когда крестьянам дали возможность выкупить пахотные земли (Kähönen 1985:297).

Количество русских летних гостей резко выросло благодаря строительству Сайменского канала и особенно открытию Петербургско-Гельсингфорской железной дороги в 1870-ом году (Hämäläinen 1985:117). Самыми важными центрами дачного поселения были волости на западном берегу перешейка: Кивеннапа, Уусикиркко и Куолемаярви и волость Муолаа во внутренней части территории. Больше всего дачников было в волости Терийоки: в 1912-ом году там рассчитывалось 5000 дач (Karste-Liikkanen 1968:97-99). Разумеется, что такое количество гостей означало и рост потребности в ежедневных продуктах. Также строительство дач давало работу. Г. Карсте-Лийкканен пишет, что в летний период в дачных волостях жили «по-барски», доходов от дачников было много. Но появились и отрицательные стороны. Увеличившиеся возможности зарабатывать привели к изменению структуры сельского хозяйства – поля не засеивали, потому что в сфере обслуживания была и более легкая работа. Дачное население вызывало множество разных, экономических и социальных, проблем. (там же:100.) Со временем русские летние поселения начали изменяться – местами они стали постоянными. В 1911-ом году даже обсуждали вопрос об отделении некоторых самых важных дачных волостей от Финляндии (Hämäläinen 1985:124).

Кем были дачники? Согласно М. Лейнонен и Н. Башмаковой, Карельский перешеек быстро стал центром культуры и отдыха для русской интеллигенции (Baschmakov, Leinonen 2001:26). Из ее представителей, наверное, финнам самым известным был Илья Репин, который имел дачу в деревне Куоккала (сегодня: Репино). По данным исследования Л. Пююкёнен (в 1900-1917 гг.), из 1683 владельцев дач 211 были аристократами и 346 членами какого-нибудь ранга. Если рассматривать профессии, то на первом месте были люди, занимающиеся бизнесом. Второе место занимали государственные служащие и третье – рабочие [Руукönen] (Hämäläinen 1985: 121). Следовательно, владение дачами не было преимуществом аристократов. Однако с конца столетия владение дачами не было самой распространенной формой летнего заселения на Карельском перешейке: большинство снимало жилье (Hämäläinen 1985: 118).

3.4. Отношения между местными жителями и летними гостями

Во время дачного периода большая часть земли на перешейке попала в чужое владение. Какое влияние этот факт оказывал на отношение финнов к русским? В. Хямляйнен констатирует, что сначала это не очень мешало жителям перешейка, но со временем возникло сопротивление. С одной стороны, боялись возможной этнической угрозы, а с другой - признавали очевидную экономическую пользу от дачников. Так как географическое местоположение Карельского перешейка являлось, бесспорно, важным для безопасности русской столицы, особенно из-за ухудшения боевой готовности русской армии после Русско-японской войны русская власть желала усилить заселение русских в данном краю. (Hämäläinen 1985: 121-124.)

Как мы выше уже отметили, большой рост количества дачников, наряду с вывозом продуктов в Санкт-Петербург со временем изменил структуру местного сельского хозяйства. Согласно Т. Вихавайнену, это не волновало самих жителей перешейка, а являлось поводом беспокойства для национальной интеллигенции, которая беспокоилась о возможном падении национального духа. (Vihavainen 1991:55). Кажется, в сознании жителя перешейка относительно легкие способы зарабатывать отодвинули на второй план возможную политическую угрозу.

3.5. Русский язык на Карельском перешейке

Среди финнов на Карельском перешейке двуязычие не было широко распространено. Элементарными русскими словами все-таки надо было владеть, чтобы успешно заниматься

торговлей в Санкт-Петербурге и с дачниками на перешейке. Особый термин «halkovenäjä» (в прямом переводе: «дровяной русский») употреблялся в значении владения самими простыми словами, нужными в деловых отношениях с русскоговорящими. Однако на Карельском перешейке жило русскоговорящее меньшинство, корни которого уходят в XVIII век, когда на территории Старой Финляндии образовались места проживания русского населения. Например, в Выборгской области были размещены русские гарнизоны, которые способствовали развитию деятельности разного рода. Согласно М. Лейнонен и Н. Башмаковой, русскоговорящие семьи сохранили свой родной язык и обычаи в финской языковой среде. Самыми большими из русских поселений были Красное Село (фин. Куугölä) и Райвола. Русское население этих поселений сохранило свою православную веру и свой язык. Браки между русскоговорящими и финскоговорящими были редкими. (Baschmakov, Leinonen 2001:20-21.) Русский язык в Красном Селе был языком как официального, так и бытового общения. Согласно Касанко, используемая форма языка основывалась на диалекте московской области. [Kasanko 1952] (Turpeinen 1984:25.) Однако долговременное сосуществование русско- и финскоговорящих на перешейке способствовало относительно живым языковым контактам в данном районе. Многие заимствования в нашем материале свидетельствуют о том, что русское общество не было совсем закрытым. Например, слово «**kornu**» принесли в говоры данного района именно русские Красного Села. Также многие другие заимствования, связанные, например, с пожалованием земель (например, «**ropotti**» - «*поденная работа в пожалованном имении*», «**pomosniekka**» - «*производитель работ*») и числительные слова, связанные с повседневной жизнью сельской местности, свидетельствует о тесных контактах между этими двумя языковыми группами.

М. Нийнилуото отмечает, что положение русского языка в Финляндии во время автономии не было престижным. Изучение русского языка не было популярным среди финнов, несмотря на то, что для некоторых профессий владение русским языком являлось обязательным. (Niiniluoto 1991:15.) Это, конечно, не касалось сельского населения Карельского перешейка. Вообще можно полагать, что положение русского языка на перешейке во многом отличалось от остальной Финляндии. Тесные контакты, которые в конце XIX века еще более оживились вследствие роста в количестве дачников на перешейке и торговой деятельности в Санкт-Петербурге, отражаются и словарном составе говоров данного края.

4. Тематическая классификация заимствованной лексики

В данной главе мы представляем анализ русских заимствований в нашем материале. Некоторые слова мы должны были оставить вне анализа из-за ограниченного объема данной работы, а также потому, что они, по нашему мнению, не входили в тематические группы. Также слова, происхождение которых, по нашему мнению, не было совсем ясным, мы исключили из настоящего списка. Эти слова представлены в приложениях 1. и 2. Главным критерием того, что мы считали определенное слово русским по происхождению (мы используем слово «русский» вместо слова «славянский», так как заимствования в нашем материале восходят именно к русскому языку), было то, что в русском языке встречается слово, соответствующее ему. В нашем материале встречались и такие слова, обозначение которых отошло от первоначального, и, следовательно, значение русского оригинала не обязательно совпадает со значением в диалекте средней части Карельского перешейка. Однако и в таких случаях должна найтись такая семантическая связь, которую можно считать свидетельством русского происхождения. Можно утверждать, что все слова в нашем материале, кроме некоторых примеров, относятся к новому слою заимствований, поэтому их источник обнаруживается относительно легко в сравнении с более старыми заимствованиями, которые уже адаптировались в финской языковой системе так органично, что показать их корни гораздо сложнее. В некоторых неясных случаях мы опирались на исторические или географические данные, особенно тогда, когда не было ясно, является ли слово западным (обычно: шведским) или русским по происхождению. По нашему мнению, в таких случаях весьма уместно предполагать, что вышеупомянутые факторы имеют значение. Большой помощью в анализе оказались этимологические словари, преимущественно «Suomen sanojen alkuperä», автором которого является Э. Итконен, а также следующие книги: «Venäläisperäistä sanastoa suomen murteissa» (автор В. Руoppiла), «Die russischen Lehnwörter der Finnischen Schriftsprache», (автор А. Плёгер) и словарь современного финского языка «Nyky-suomen sanakirja». С помощью вышеупомянутых книг мы также пытались выяснять сферу распространения заимствований в финском языке. Особенно нас интересовало то, какие слова не распространялись за пределами средней части Карельского перешейка, и, следовательно, являются типичными только для диалекта данного района.

Первая группа заимствований состоит из слов, которые, по нашему мнению, тематически группируют вокруг понятия «Повседневная жизнь». Данная группа – самая обширная и содержит в себе, например, названия разных нужных в повседневной жизни предметов (посуда, рабочие инструменты, еда, одежда, животные и т.д.). Вторая группа состоит из слов, которые можно связать с путешествиями в Санкт-Петербург. Так как эти путешествия, почти без исключения, являлись торговыми по своему характеру, данная группа содержит много слов, связанных с этой деятельностью. Мы включили в эту группу также слова, относящиеся к таким продуктам, которые вывозили в Санкт-Петербург в большом количестве. Такими были, преимущественно, молочные и хлебобулочные продукты, а также грибы. В третьей группе представлены заимствования, относящиеся к сфере труда, работы. Четвертая группа – небольшая, но так как кустарное производство – особенно сани и глиняные сосуды – являлось культурным своеобразным феноменом на перешейке, мы решили представить данные заимствования вместе в одной группе. Пятая группа – названия, относящиеся к людям, содержит слова, которые обозначают или людей, или их разные свойства. В последнюю группу мы включили те слова, которые обозначают отвлеченные понятия. Хотя данная группа заимствований не является большой, она представляет собой особый интерес. Мы считаем, что при характеристике отношений между финнами и русскими в упомянутом районе тот факт, что среди заимствованных слов встречаются и абстрактные слова играет важную роль. Они, как известно, требуют более интенсивного контакта для заимствования, чем слова, обозначающие конкретные понятия.

Среди проанализированных слов встречаются и т.н. экспрессивные слова. В определении «*экспрессивности*» мы опираемся на определение В. Ярвы. Он считает экспрессивными как оноματοпоэтические слова (слова, которые подражают какому-то звуку), так и дескриптивные слова (к которым относятся слова, фонетически описывающие свое обозначение). Экспрессивность может обозначать и аффективный характер слова – часто экспрессивные слова не являются нейтральными (Jarva 2003:61.)

4.1. Хозяйство, домашний быт, повседневная жизнь

В данный раздел мы включили те слова, которые так или иначе связаны с повседневной жизнью и ведением хозяйства. Таких слов в нашем материале относительно много, и поэтому мы разделили их на группы по их обозначению.

4.1.1. Домашний очаг

Следующие существительные относятся к «домашнему очагу»:

Juska – *вьюшка*, от рус. «*вьюшка*». «**Pannaajuska kii, ettei lämpö mää harakoille.**» В словаре Ганандера отмечается, что это слово употребляется и в карельском, и в олонекском диалекте в значении «*печь*», «*плита*», «*изразцовая печь*» (Ganander 1997).¹⁾

Liitta – *плита*, от рус. «*плита*». «**Tuvauuni hiilet veetää liittaa.**» По мнению В. Руoppiлы, это заимствование было распространено в данном фонетическом облике в средней и западной части Выборгской губернии в XX веке (Ruoppila 1986:27). С данным существительным связано и сложное слово «**liittapuut**» – «*дрова для плиты*».

Patska – *маленькая пачка*, от рус. «*пачка*». Слово встречается и в столичном сленге в таком же значении (TSBS).

Pitsikka, pitska – *спички*, от рус. «*спичка*». Слово «**pitska**» распространилось в юго-восточные диалекты финского языка (SSA). Ср. и «**pitskaloota**» – *спичечная коробочка* и «**pitskapatska**» – *пачка спичек*.

С домашним очагом можно связать и глагол:

Paaruittaa – *топить печь очень сильно*, «**Hää paaruitti tuvauuni iha tulikumaks.**» от рус. «*парить*». В. Руoppiла отмечает существительное «**paaru**» – «*пар*» (Ruoppila 1986:37).

¹⁾ Словарь был подготовлен в 1787-ем году.

4.1.2. Бытовые предметы

Названий разных бытовых предметов встретилось много. Следующие существительные входят в эту группу:

Kortikka, с. – *металлический прут*, от рус. «кортик».

Kovertti, с. – *конверт*, от рус. «конверт».

Muila – *мыло*, от рус. «мыло».

Potuska – *матрас*, от рус. «подушка». Первым данное заимствование записал Эурен в 1860-ом году. Оно было распространено в юго-восточных диалектах финского языка. (SSA.) С данным словом связано сложное слово «**potuskaolet**» с. – *солома, которой наполняли матрас*, см. выше. «**Potuskaoliks kelpajaat vaa riihes puijjet ruisolet.**»

Pumaska, с. – *связка написанных листов бумаги*, от рус. «бумажка». В этимологическом словаре отмечается кроме данной формы и другой вариант «pumaka» (SSA). «**Siin ol paksu pumaska paperloi.**»

Setka – *сетка для волос*, от рус. «сетка». «**Piippaamise jälkee panna setka.**»

Sontikka – *зонтик*, от рус. «зонтик». Данное заимствование широко известно в финских диалектах (см. напр. SSA, TSBS).

Sotka – *маленькая щётка*, от рус. «щётка». По данным Этимологического словаря, слово встречалось в юго-восточных диалектах и в их окружении (SSA). Согласно В. Руоппиле, данное слово имело в волости Рауту и другое значение; там «sotka» обозначало бутылку вина ёмкостью в 100 граммов (Ruoppila 1986:49).

Taasa – *таз для умывания*, от рус. «таз». «**Tyttö kaas taasaa vettä ja pes silmään.**»

Слово являлось широко распространённым в восточных диалектах [Lönnrot 1886] (SSA).

Tihvti – (канцелярская) кнопка, от рус. «*штифт*». «**Hää pan sen paperin tihvtil kii seinää.**»

Vanar – фонарь, от рус. «*фонарь*». «**Läävä katos on koukko vanarii vast.**»

К этой группе можно добавить и следующие слова, обозначающие химические продукты:

Kirassi – керосин. «**Kirassitynnryii pietää kaupa makasiinis.**» От рус. «*керосин*». Территория распространения – Юго-восточная Финляндия (SSA).

Tipitaari – скипидар, от рус. «*скипидар*». «**Haisoo ko tipitaar.**»

4.1.2.1. Посуда, сосуды, предметы для хранения чего-нибудь

Данная группа содержит в себе следующие существительные:

Kuksina – деревянная посуда для молока. От рус. «*кувшин*». По данным Этимологического словаря, данное заимствование известно, прежде всего, в восточных диалектах и в Ладожской Карелии в значении «кувшин для молока, пива; посуда из камня; горшок» [Euren 1860] (SSA).

Kuli – мешок для муки. «**Pietarist ostettii ennevanhaa jauhoi kulikaupal.**» От рус. «*куль*» - «1. Большой рогожный мешок, употреблявшийся для упаковки и перевозки грузов. 2. Старая торговая мера сыпучих тел (около 9 пудов). '*Куль муки*'». (БТС). Отмечается в Этимологическом словаре финского языка, распространилось и в другие диалекты (см. напр. SSA, TSBS).

Kulohka – маленький мешок для муки. От рус. «*кулек*» - см. выше «*куль*».

Kuusava – котомка, короб, который носят за спиной. От рус. «*кузов*» - «короб, лукошко из лыка или бересты» (БТС). По данным Этимологического словаря, данное заимствование принадлежит юго-восточным диалектам и значит «*корзина*» (SSA).

Livasniekka – сливочник, от рус. «сливочник». В. Руoppiла отмечает формы «lavisniekka» и «livusniekka» (Ruoppila 1986:28).

Luskaloota, с. – ящик для ложек, от рус. «ложка».

Manerkka – саквояж из фанеры, от рус. «манерка» [польск. manierka] – «походная металлическая фляжка с закручивающейся крышкой в виде стакана; крышка такой фляжки, употребляемая вместо стакана» (БТС). Ср. также сложное слово «**maitomanerkka**» – молочник из листового металла.

Naperkka – маленькая драочная корзинка. «**Lapset läksiit mustikkaa naperkka kääes.**» От рус. «набирка»: «кузовок, корзинка для сбора ягод, грибов и пр.» (Даль). В. Руoppiла отмечает данное слово в значении «корзинка для ягод» (Кивеннапа, Уусикиркко, Пюхьярви) (Ruoppila 1986:34).

Pantka – банка, от рус. «банка». В. Руoppiла пишет, что согласный «-t» в виде переходного звука между звуками «-п» и «-к» довольно свойствен словам, заимствованным из русского языка. В русском языке нет звука «-пг». Отсюда следует, что сочетание «-нк» при заимствовании превратилось в «-ntk». (Ruoppila 1986:22.) Руoppiла констатирует, что слово «**rantka**» встречалось в Кивеннапа, Уусикиркко и Выборге (там же:37). От слова «**rantka**» образовано и сложное слово «**kohvpantka**» – банка, где хранят кофе. «**Myö pietää kohvpantkaa uuni rantsil.**»

Pienluska, с. – чайная ложка, от рус. «ложка».

Potska – сосуд, напоминающий бочку, от рус. «бочка». По данным Этимологического словаря, слово было распространено в юго-восточных диалектах финского языка и имеет то же значение, как и исходное русское слово (SSA).

Putilkka – маленькая бутылка, от рус. «бутылка». Данное заимствование было известно и в г. Хельсинки в 1930-60-ых годах [Stenvall, Mäkelä] (TSBS).

Rummatsku – *рюмочка*, от рус. «*рюмочка*». «**Kaaha vähä putelistais tähä rummatskuu.**»

Sajulas, с. – *стакан*, от рус. «*чай*».

Sajuluska, с. – *чайная ложка*, от рус. «*чай; чаю*» и «*ложка*».

Sainiekka – *чайник*, от рус. «*чайник*».

Suurluska, с. – *столовая ложка*, от рус. «*ложка*».

Sukuna – *чугунная чашевидная сковорода*, от рус. «*чугунка, чугун*». По данным Г. Карсте-Лийкканен, слово «*sukuna*» обозначало «широкий в середине, но суживающийся кверху сосуд из глины», в котором варили кашу (Karste-Liikkanen 1968:198).

Takana – *стакан*, от рус. «*стакан*».

4.1.2.2. Рабочие инструменты, орудия труда

Среди заимствованной лексики, изучаемой нами, встретились следующие существительные и их производные, обозначающие разные рабочие инструменты:

Kuuritsa – *рыболовная снасть, своего рода невод*. «**Kuuritsaa vetää rannal kaalamaal.**» От рус. «*курица*» - «ловушка на щук» (Даль). Слово отмечается как у Плөгер (Plöger 1973:84), так и в Этимологическом словаре (сфера распространения – юго-восточная Финляндия) (SSA). Данное слово представляет особый интерес, так как слова, связанные с рыбной ловлей, обычно не заимствуются (заимствовались) из русского в финский язык. На самом деле, эта сфера действия является одной из тех редких сфер, где направление заимствования было обратным. В севернорусских диалектах встречается много таких примеров. Мы считаем возможным, что слово «*kuuritsa*» могло быть заимствовано из финского языка в русский язык.

Lahantka - *деревянная лоханка с ножками для стирки*, от рус. «лохань, лоханка». В. Руоппила отмечает, что данная форма встречалась в разных местах бывшей финской Карелии (Ruoppila 1986:26).

Loma – *лом*, от рус. «лом,-а». Это заимствование из русского языка встречалось в юго-восточных диалектах и диалектах северной Карелии (SSA). Возможно, с данным словом связаны и глаголы, отмеченные в словаре Л. Кантеэ, «**lomahtaa**» - «глыба земли срывается со стенки» и «**lomahuttaa**» - «отрывать глыбу земли со стенки». От этого слова образовано также сложное слово «**sorkkaloma**» – *лапчатый лом*, (ср. фин. «sorkkarauta»).

Luukka – *плуг*, от рус. «плуг». «**Mei luukka on viskarssi yheksikkö.**» Отмечается в Этимологическом словаре [Lönnrot 1886] как часть словарного запаса карельских диалектов (SSA).

Massina – *машина для чистки хлеба, смолоченного в риге*, от рус. «машина». Это заимствование распространилось в юго-восточных диалектах (SSA). К этому же корню восходит и глагол «**massinoija**» – «*веять смолоченный хлеб*».

Riusa – *инструмент для ручной молотбы хлеба*, от рус. «приуз». Данное слово было известно и в других местах в Финляндии (SSA). По определению Даля, приуз, - это «сыромятная привязь цепа, связь била с кадцею, держалкою, цеповищем, цепником: два ремня в пол-аршина, взятые один за другой и привязанные каждый двумя ремешками вокруг цепника и била.» Словарь современного финского языка отмечает слово «**riusa**» в значении – «цеп» (NSSK). Сено и солому ввозили в Санкт-Петербург, и они были единственными продуктами земледелия. Солому молотили приузом и использовали, в первую очередь, в матрасах (ср. «**potuskaolet**»). (Karste-Liikkanen 1968:171.)

Sovokka – *открытый в носке ковш*, от рус. «совок». «**Kauppias mätti jauhoi sovokal pussii.**» Й. Калима отмечает формы «savokka» и «savotka» (Kalima 1952:157).

Uhvatta – *ухват*, от рус. «*ухват*». «**Sukuna työnnetää uuni arinal uhvatal.**» Слово отмечается в Этимологическом словаре; оно являлось частью словарного запаса юго-восточных и диалектов Саво и Северной Карелии) [Lönnrot 1886] (SSA).

Vilkka – *вилы*, от рус. «*вилка*».

Sontavilkka – *навозные вилы*, от рус. «*вилка*».

4.1.3. Продукты питания

В этой группе встречаются как прямые переносы, так и частичные кальки. В нее входят следующие существительные:

Akurtsi – *огурец*, от рус. «*огурец*», мн.ч. «*огурцы*». По данным словаря финских диалектов, данное слово встречалось и вне территории диалекта, изучаемого нами (SMS).

Kaassa – *каша*, от рус. «*каша*». Лённрот дает данному слову значение «*вареная еда; еда, которую едят ложкой*». Согласно ему, это слово относится к диалектам Северной Карелии, но оно встречается довольно редко (SSA).

Kalpaasi – *колбаса*, от русс. «*колбаса*». «**Pitolois pittää olla kalpaasii.**»

Kartovska – *картофель*, от рус. «*картошка*». Слово распространилось в разных формах в финских диалектах (SMS).

Keltsiska – *горчица*. «**Keltsiska on hyvä läski kans.**» Возможно, это слово является сочетанием финского слова «*keltainen*» и русской аффрикаты «*ч*» и суффикса «*-ица*».

Kotsana – *несъедобная часть кочана капусты*. «**Kaali kotsana viskataa pois.**» От рус. «*кочан*».

Lapsu – *вареные макароны*, от рус. «*лапша*», вин.пад. «*лапшу*».

Lemetti – зерна, выпавшие из колосьев при ручной молотбе. «**Lemetti pittää viel massinojja.**» От рус. «*невейки*» - «невеянный хлеб, зерно с половиной, с мякиной, как оно вышло из-под цепа; пушница» (Даль). По данным Этимологического словаря, данное заимствование принадлежит юго-восточным диалектам [Eurén 1860] (SSA). Почва на Карельском перешейке не была очень плодородной, и так как в сфере обслуживания была и другая, менее тяжёлая работа, многие бросали земледелие. Однако и с Карельского перешейка вывозили сено в Санкт-Петербург.

Liinavoi – подсолнечное масло, частичная калька по модели «*льняное масло*». Первая часть «**liina**» - «*лен*» в свою очередь, является германским заимствованием (SSA).

Lini - блин, от рус. «*блин*», мн.ч. «*блины*». «**Linilöi sanotaa räiskäleikskii.**» Данное заимствование отмечает и В. Руоппила. Он констатирует, что слово было распространено на Карельском перешейке (Выборг, Уусикиркко, Муолаа, Кивеннапа и Саккола) и на островах Финского залива Лавансаари и Сеискари. (Ruoppila 1986:27.)

Litessi – конфета в обёрточной бумаге, от рус. «*леденец*», мн.ч. «*леденцы*». Кроме данной формы, В. Руоппила отмечает и форму «*litentsi*». Форма «*litessi*», по данным В. Руоппилы, встречалась на территории волостей Кивеннапа и Муолаа (Ruoppila 1986:27).

Marosi – мороженое, «**Venäläine kauppias huus 'harosi marosi'.**», от рус. «*мороженое*». Данное слово было заимствовано и в столичный сленг в другой форме (TSBS).

Piirakkapotatit – картофель для выпечки пирогов. «**Piirakkapotatit pittää kuorii jo perjantakiltan.**» Заимствование «*piirakka*» принадлежит к раннему слою славянских заимствований, и оно проникло и в литературный язык. О раннем заимствовании свидетельствует долгий согласный «-ii», ведь сегодня в русском слове «пирог» ударение во всех падежах на втором слоге [von Knorring 1833:53] (Plöger 1973:129). В целом, сложное слово «**piirakkapotatit**» состоит из заимствованных слов. Вторая часть «**potatit**» заимствована из шведского языка.

Poslamaasla – масло, выдавленное из подсолнечных семечек. От рус. «*подсолнечное масло*». «**Poslamaasla on pahamakusta.**» Согласно В. Руоппиле, данное заимствование восходит к

словосочетанию «постное масло». Это, по его мнению, объясняется тем, что на Карельском перешейке жили и православные люди, которые постились. (Ruoppila 1986:40.)

Potsiemuska – *семечко подсолнечника*, от рус. «*семечко*» и «*подсолнечник*» или «*подсолнечное семечко*». «*Kuurylä pojil on ain potsiemuskoi taskus.*»

Ripa – *рыба*, от рус. «*рыба*».

Sahvka – *еда*, от рус. «*завтрак*». Данное слово было заимствовано и в столичный сленг в начале предыдущего столетия в форме «*safka*» (TSBS). В данной форме оно широко употребляется в финской разговорной речи вообще.

Selti – *сельдь*, от рус. «*сельдь*». Слово было заимствовано, кроме юго-восточных диалектов, и в диалекты Кайнуу и северной Карелии [Lönnrot 1880] (SSA). Словарь современного финского языка определяет слово «*selti*» следующим образом - «*маленькая рыба, обитающая в Белом море*» (NSSK).

Siemenvoi – *подсолнечное масло*, калька от рус. «*семенное масло*».

Sienserpa – *запеканка из грибов*, от рус. «*щербя*» - «*горячая похлебка, навар*» (Даль). По Мекелину, слово «*serpa*» являлось частью словарного запаса юго-восточных диалектов [Mechelin 1842] (SSA). В Словаре современного финского языка данное слово определяется как народное (NSSK). По данным Плёгер, оно имело значение «*суп, рассол*» (Plöger 1973:179). Ср. и «*tattiserpa*».

Soussi – *соус*, от рус. «*соус*». Согласно В. Руоппиле, данное слово обозначало именно «*соус из свинины*» и употреблялось во всей южной Карелии (Ruoppila 1986:49). Доказательством русского происхождения этого заимствования, по нашему мнению, является сохранение дифтонга «*-ou-*», ср. шведск. «*sås*».

Suppi – суп из ягод или фруктов, от рус. «суп». «**Äit keitti suppii jälkruuvvaks.**» Ср. также сложные слова «**marjasuppi**», с. – суп из ягод, «**rusinasuppi**» - суп из изюма и «**veskunasuppi**» - суп из чернослива.

Tytinä – студень, от рус. «студень». Слово распространилось в юго-восточных диалектах и их окружении (SSA). Словарь столичного сленга дает форму «**tutina**» [Kantanen] (TSBS).

Uksus – уксус, от рус. «уксус».

Vareni – варенье, от рус. «варенье».

Vatruska – ватрушка, от рус. «ватрушка». «**Kivennappoiset sannoot potattipiirakkaa vatruskaks.**»

4.1.4. Названия одежды и обуви

В эту группу входят следующие существительные:

Aporkat – большая обувь. От рус. «опорки» - «старые, изношенные сапоги со споротыми голенищами» (БТС). TSBS отмечает формы «**aborkat**», «**aborgat**», «**aporkat**». Кроме Карельского перешейка, это слово встречается и в районах Хяме и в Похьянмаа (SSA).

Apsetti – каблук. «**Tyttö kävel nii et apsetit napsuit.**» Восходит, возможно, к русскому слову «**абзац**», или проникло в финский язык через ижорские диалекты из немецкого языка (Ruoppila 1986:12). Этимологический словарь финского языка приводит форму «**apsatti**» (SSA). Во времена Ганандера слово встречалось и в Карелии, и в Тюрвья (Ganander 1997).

Karmanto – карман. От рус. «карман». Плёгер отмечает слово, например, в форме «**котмано**» (диал.) и дает ему значение «**карман юбки**» (Plöger 1973:77). Слово встречается в восточных, особенно в юго-восточных диалектах финского языка (SSA).

Kosana – *дождевик*. От русс. «*кожан*» - «1. Разг. кожаное пальто, 2. Устар. Непромокаемое клеенчатое пальто». Ср. также «*кожанка*», разг. «*кожаная куртка*». (БТС.) Наверное, это слово не распространилось за пределы Карельского перешейка.

Kussakko – *пестрый пояс, связанный из шерстяной нитки*. От русс. «*кушак*» (тюрк.) – «пояс, обычно из широкого куска ткани или связанный из шнура.» (БТС). И Плөгер отмечает данное слово (Plöger 1973:83). Этимологический словарь называет много разных форм, употребляемых прежде всего в юго-восточных диалектах и в районе Кайнуу (SSA).

Lääppä – *мужская фетровая шляпа*, от русс. «*шляпа*». В. Руоппила отмечает данное слово, но согласно ему, оно имело другое значение: «женская шляпа». В таком значении слово встречалось в волостях Муолаа, Уусикиркко, Кивеннапа. (Ruoppila 1986:29.)

Paltto – *пальто*, от русс. «*пальто*». Данное слово имеет западное происхождение, но, по нашему мнению, в финский язык оно могло прийти через русский язык. Если сравнить фонетические черты, напр. шведского и русского варианта слова (шведс. «*paletå*»), сразу можно отметить, что русское слово ближе к финскому слову по своим фонетическим чертам. Словарь столичного сленга отмечает и краткую форму «*paltto*» [Stenvall, Harko], с удлинением «*palttoo*» [Kurikka] (TSBS). Длинная форма «*palttoo*» отмечается в Словаре современного финского языка (NSSK). От данного слова образовано сложные слова «**pienpaltto**» - *пиджак* и «**pitkäpaltto**» – *пальто*.

Patingit – *мужская обувь с голенищами*, от русс. «*ботинки*». Этимологический словарь приводит форму «*patiini*» и отмечает, что это слово имеет западное происхождение. При этом важен фонетический облик – источниками диалектного слова «*patiini*» являются, напр., норвежский диалектный «*battin*» и фран. «*bottine*». (SSA.) Форма, используемая на Карельском перешейке, отражает русский фонетический облик.

Peretniekka – *передник*, «**Lihamiehel on laahates peretniekka vyöl.**», от русс. «*передник*». Как отмечает Этимологический словарь, данное заимствование из русского языка распространено и вне территории юго-восточных диалектов (SSA).

Pusapaita – мужская рубашка. Можно полагать, что данное заимствование восходит к русскому «бузурунка» - «олон. поношенная одежка, особ. короткая, подрезанная; фуфайка, куртка, крутка, коротайка.» (Даль). Эмиль Эхманн констатирует, что финское слово «pusero» восходит к нидерландскому «boezeroen». Из нидерландского оно проникло в русский язык в форме «бузурунка». Э. Эхманн считает, что в восточных частях Финляндии разные формы данного слова восходят к русскому языку, но в других местах в Финляндии они могут восходить к шведскому языку. (Öhmann 1950:132.)

Reuhka – плоховатая шляпа, от рус. «треух/а». «Mistse oot löytänt tuollasen reuhkan päähäis?»

Risintkapingit – мужская парадная обувь, от рус. «ботинки», «резинка».

Silentkat – жилетка, от рус. «жилет/ка».

Sinel – шинель, от рус. «шинель». Словарь столичного сленга отмечает форму «sineli» (TSBS). Словарь современного финского языка отмечает форму «sinelli» (устар.) (NSSK).

Sitsi – тонкая хлопчатобумажная ткань, от рус. «ситец, ситцы».

Vuraska – мужская шляпа с твёрдым козырьком, от рус. «фуражка». Слово было известно и в столичном сленге в форме «furashka» в значении «головной убор» (TSBS).

4.1.5. Строительство, постройки и их части

Эта группа состоит из следующих существительных:

Hotu – место, пространство, объем. «Siin talos on mei perreel hottuu ylli kylli.» От рус. «ход», род.п. «ходу». Данное слово отмечается в Словаре современного финского языка как диалектное слово и приводится в значении «путь, проход» (NSSK). Слово отмечено и у Плөгер в значении «путь», «морской проход» (Plöger 1973:55). Этимологический словарь финского языка дает слову также значение «направление». Слово известно, кроме юго-восточной Финляндии, и в северной Карелии и в Саво [Lönnrot 1874] (SSA). По данным Словаря диалектов

финского языка, данное слово в значении «пространство» чаще всех встречалось в Карелии, но было распространено и в других частях Финляндии (SMS).

Kalentka – *маленькая калитка во дворе.* «**Kalentkast pääsööt vaa jalkamiehet.**» От рус. «*калитка*» - «небольшая дверь в заборах, в воротах, ограде» (БТС). По данным словаря диалектов финского языка, данное слово отмечается и вне средней части перешейка в немного различающихся формах (SMS).

Kirpitsä - *кирпич.* «**Savikko kirpitsöi on mei kyläs joka talo uunis.**» От рус. «*кирпич*». Согласно Эурену, это заимствование входит в словарный состав юго-восточных диалектов (SSA).

Kopitsa – *скоба,* от рус. «*скоба*». «**Piikkilanka-aitaa tehhes tarvitaa kopitsoi.**» Словарь современного финского языка отмечает данное слово как диалектное в таком же значении (NSSK).

Kossakat – *оконная рама,* от рус. «*косяк*» - «брус дверной или оконной рамы, у которого обычно стесаны наискось концы» (БТС).

Lapasii – *склад магазина,* «**Kirassi ja sellit on puoi lapasii.**» От рус. «*лабаз*».

Nuusniekka – *отхожее место,* от рус. «*нужник*» – «устар. отхожее место, уборная» (БТС). Слово было известно в юго-восточных диалектах [Lönnrot 1886] (SSA). Отмечается и в Словаре современного финского языка как диалектное слово, так же как и в работе А. Плөгер (NSSK, Plöger 1973:114).

Palkoon – *веранда,* от рус. «*балкон*». Ср. «**avopalkoon** – *открытая веранда здания,* от русс. «*балкон*». Первая часть этого сложного слова «**avo-**» «*открытый*» присоединена к заимствованию, которое, возможно, пришло из русского языка (ср. шведское «*balkong*»). Фонетический облик слова «**palkoon**», по нашему мнению, отражает влияние русского «*балкон*». (Ср. шв. «-ng»).

Puikat – *бык* – от рус. «*бык*» - «строительный контрфорс, устой, рубка или каменная прикладка, откосом, для укрепления здания; мостовые быки или устои иногда, по гребню откоса, снабжаются ледорезами» (Даль). По данным наших источников, данное заимствование не встретилось вне Карельского перешейка (см. напр. Ruoppila 1986:42).

Rampkat - *рамки окна*, от рус. «*рамка*».

Sarrain – *построенный из досок сарай*, от рус. «*сарай*». А. Плөгер записала форму «sarai» и дала ей значение – «чердачное помещение, где хранили сено (в восточной Карелии); сарай; рига» (Plöger 1973:174).

Sulani – *маленький чулан для хранения еды*, от рус. «*чулан*». «**Separati paikka on sulanis.**»

Taatsa – *дача русских*, от рус. «*дача*». «**Mei kyläs on sen pietarlaise aptiikkari taatsa.**»

Vertsa – *вентиляционный клапан*, от рус. «*дверца*».

Vortuska – *вентиляционный клапан*, синоним «**vertsa**», от рус. «*форточка*».

4.1.6. Средства передвижения и их части

Средства передвижения и их части обозначают следующие существительные:

Tarakka – *багажник велосипеда*, возможно, от рус. «*торок, торока*», по определению Даля, это «ремешки позадь седла, для пристежки» (Даль). По данным Этимологического словаря, данное слово значит «груз или багаж, привязанный за седлом [Juslenius 1745]; груз, ноша, багажник велосипеда (довольно широко распространено в диалектах) (SSA). Это слово употребляется и сегодня, напр., в Хельсинки в значении «багажник велосипеда». Словарь современного финского языка дает слову значение: «груз, воз» (простор. и народ.) (NSSK). Исходное слово и заимствование имеют общий смысл – «быть за седлом».

Tatska – *багажник на велосипеде*, от рус «*тачка*».

Tääsä – *ремень, натянутый от верхнего конца оглобли к оси переднего колеса,* от рус. «тяж».

Värttä – *спица колеса велосипеда,* от рус. «веретено». Данное слово в форме «värttinä» («веретено») заимствовано в литературный язык и принадлежит к раннему слою заимствований. (ср. Mikkola 1894:96: веретено (*вертено) > фин. «värttä, värttä, värttinä»). По определению Даля, «веретено» имеет и значение: «...в разных машинах и снарядах: ось, цевье, цевка, на которой что-либо вращается» (Даль). В данном значении слово известно и в Ингерманландии (SSA).

4.1.7. Оружие и предметы, служащих оружием

Свою небольшую группу составляют названия оружия.

Kulakka – *кулак,* от рус. «кулак». По данным Этимологического словаря, слово встречалось, прежде всего, в юго-восточных диалектах и в диалектах Ладожской Карелии в таком же значении [Lönnrot 1874] (SSA). Ср. также: «**puijja kulakkaa**» – *грозить кому-то кулаком.* «**Hää pui kulakkaa lähteissä.**»

Nakai – *русский боевой пистолет;* от рус. «наган». Данное заимствование отмечается и в словаре столичного сленга в форме «nagani» (TSBS).

Polena – *палка, палочка,* от рус. «полено». По данным Этимологического словаря, данное заимствование известно в юго-восточных диалектах Финляндии (SSA). «**Hää tempas polena kätehee.**»

Risintkat – *рогатка,* от рус. «резинка».

Sesta – *ударное орудие; палочка,* от рус. «шест-а». Данное заимствование отмечается в Этимологическом словаре. Оно было известно в восточной Финляндии, но в значении - «шест» [Lönnrot 1886] (SSA). Словарь современного финского языка отмечает данное слово в том же значении, как Этимологический словарь (NSSK).

Vintouhka – *винтовка*, от рус. «*винтовка*». Словарь современного финского языка приводит данное слово в форме «vintouhka» и «vintofka» и отмечает, что данные слова принадлежат к солдатскому сленгу (NSSK).

4.1.8. Животные и предметы, связанные с ними

Самую значительную группу среди заимствований, относящихся к животным, составляют слова, относящиеся к лошадям. В самом деле, торговля лошадьми была живой на Карельском перешейке, причем двунаправленной; когда цены в России были низкие, оттуда ввозили лошадей в Финляндию, и наоборот. Торговлей занимались особые барышники, **hevosparisniekka** (см. разд. 4.3.2.). (Karste-Liikkanen 1968:152.)

Скот вывозили в Россию преимущественно из восточных частей Карельского перешейка, причем даже в больших количествах. Обычно скот гнали по дорогам, так как цены на живой скот были более высокими, чем цены на мясо (там же:151). В рассматриваемую группу входят следующие слова:

Hamutat – *мягкая обивка конского хомута*, от рус. «*хомут*» - «нашейная часть упряжи (обычно конской), состоящая из деревянного остова (клещей), внутренняя сторона которого, прилегающая к шее, покрыта мягким, войлочным валиком (хомутиной)» (БТС). А. Плёгер отмечает формы «hamutta, hamutsa» в таком же значении (Plöger 1973:53). Словарь современного финского языка дает такие же формы, как Плёгер (NSSK). Слово являлось известным во многих местах Финляндии и имеет разные варианты (SSA).

Kalkatin - *жестяной колокольчик коровы, с более высоким звоном*. «**Kalkatin kuuluu pitemmäl ko kolkotin.**» Данное слово и русское «*колокол*» - очень похожи, но так как они являются оноματοпоэтическими, т.е. звукоподражательными, возможно, что они появились в обоих языках независимо друг от друга. По данным словаря диалектов финского языка, это слово было известно и вне перешейка (SMS).

Kolkotin – жестяной колокольчик коровы, с менее высоким звоном. «**Kolkotin ei kuulu nii kauvaks ko piuvvar.**» Ср. рус. «колокол, колокольчик». И здесь русское влияние возможно, но слово может быть и финское звукоподражательное слово.

Korova – корова, от рус. «корова».

Lasatka – лошадь, от рус. «лошадка».

Opottavemmel – дуга, сделанная из липы, от рус. «обод». По определению Даля, «обод» - это «окружность, окраина, пределы кругом чего». В диалектах это слово имеет также значения «круг», «изгиб», «дуга». (Даль.) По данным Этимологического словаря, заимствование «opotta» встречалось в Ладожской и Северной Карелии [Juslenius, Ganander] (SSA). Слово отмечается и в Словаре современного финского языка, где оно определяется как народное слово (NSSK). Плөгер отмечает слово «opotta» в значении «калитка для лошадей» (Plöger 1973:115). Причиной данного заимствования было, возможно, именно круглая форма.

Povotta – недоуздок, от рус. «повод».

Putrikki – убойный телёнок. Г. Карсте-Лийкканен отмечает формы «putrikki, putrosniekka» в значении «весенний телёнок осенью» и предполагает, что слово происходит от рус. «бустряк» (Karste-Liikkanen 1968:161).

Puura – чернокоричневая лошадь, от рус. «бурый, ж. бурая». Данное слово было известно на Карельском перешейке и в Ингерманландии. [Eurén 1860] (SSA).

Seresniekka – чересседельник, от рус. «чересседельник».

Setolkka – седёлка, от рус. «седёлка». Слово довольно широко известно в финских диалектах [Lönnrot 1880] (SSA) и его отмечают в Словаре современного финского языка (NSSK).

Tapuna – табун, от рус. «табун» – «стадо лошадей или некоторых других копытных животных» (БТС). Сфера распространения данного заимствования – юго-восточные диалекты

и, местами, Кюменлааксо [Eurén 1860] (SSA). Ср. также «*hevostapuna*», - *стадо лошадей, табун*.

Torokka – *таракан*. В данном заимствовании ощущается влияние русского диалектного слова «*торокан*» (ср. фи. лит. «*torakka*» от рус. лит. «*таракан*»).

Vikur – *норовистая лошадь*. «**Miu markkinoilt ostamain tamma on vikur.**» По данным Этимологического словаря, это производное слово от слова «*vika*». Однако особенно на восточные диалекты повлияло русское слово «*фигура*» и «*фигурить*» (SSA). По определению Даля, «*фигурить*» значит «хитрить, лукавить; подыматься на хитрости, на выдумки, мудрить» (Даль). Форма «*vikuri*» отмечается в Словаре современного финского языка (NSSK).

В данной группе заимствований содержится и глагол:

Rotsia – *хорошо кормить домашнее животное*, от рус. «*родить*». «**Helena rotsii lehmijää hyväst.**» По данным Этимологического словаря, этот глагол был заимствован и в другие диалекты финского языка. В этих вариантах его значение ближе к первоначальному значению (SSA). В столичном сленге слово имело значение «стоять (что-то делать)» (TSBS). Словарь современного финского языка отмечает формы «*rotia*» и «*rotsia*» и дает им значение «*удаваться*» - «*Kaupat rotsivat hyvin.*» Примерно в таком же значении записала слово и А. Плөгер. (NSSK, Plöger 1973:166.)

4.1.9. Развлечения и отдых

Последнюю группу в этом разделе составляют слова, которые относятся к свободному времени.

Kalenat – *особые танцы*, по-фински «*nurkkatanssit*». «**Hää soitti kalenois turpahöylää.**» По мнению В. Руоппила, данное заимствование восходит к русскому слову «*колядья*» (Ruoppila 1956:102) или «*коляда*» (Ruoppila 1986:17). По определению Даля, «*коляда*» или «*коледа*» - это «святки и праздник Рождества Христова и все дни до Крещенья. Колядованье, обряд хождения по домам, в Рождество и новый год, с поздравленьем и песнями, со звездой или с житом, для

сбора денег или пищи» (Даль). Слово встречалось на Карельском перешейке, в Ладожском районе и северной Карелии. Источником заимствования, по крайней мере, частью, могло бы быть и русское слово «колени» - «совместное название очередей в одном танце русского народного гулянья» (SSA).

Karmooni – гармонь. «**Poika soittelo kaksrivisel karmoonil.**» От рус. «гармонь».

Kosti – визит к родственникам. «**Myö männää Perkjärvel kostii loppiaisen.**» От рус. «гость», «ходить в гости». А. Плөгер отмечает данное слово и ссылается на Мекелина, согласно которому слово входит в состав поздних заимствований (Plöger 1973:78).

Maalitsa – масленица, от рус. «масленица». В. Руоппила приводит и формы «maaslitsa» «maalitsa(n) ajo».

Rotinat – визит с подарками к новой матери, от рус. «родины». Данное заимствование было известно и вне Карельского перешейка, напр. на юге губернии Саво, в Ингерманландии и в средней части региона Похьянмаа (SSA). Также Словарь современного финского языка отмечает данное слово, но, по его определению, оно обозначает именно те подарки, которые дают новой матери (NSSK). Форма «rotiaiset» распространилось и в среднюю Финляндию. На неё, возможно, повлияли такие финские слова, как «ristiäiset» и «varpajaiset» (Ruoppila 1986:46).

Saski – шашки, от рус. «шашки». «**Saskis voip pelata säästöo tai syöttöo.**»

Sirmakka – гармошка, от рус. «шарманка». Шарманка получила свое название благодаря знаменитой песне «Charmante Catherine». Это заимствование было известно местами в Юго-восточной Финляндии (SSA). Слово «sirmakka» отмечается в Словаре современного финского языка и определяется как народное слово (NSSK).

Turakka – несложная игра в карты (не азартная игра); человек, который ведёт себя неловко, дурак. От рус. «дурак», «играть в дурака». Оба значения даются в Этимологическом словаре. Данное слово в значении «дурак», по данным Этимологического словаря, отмечено местами на территории юго-восточных диалектов, и в значении «игра в карты» оно встречалось и вне

территории юго-восточных диалектов [Ganander 1787] (SSA). В Словаре столичного сленга слову дают значение «*игра в бильярд*» [Santanen] (TSBS).

Vorotti – *вращаемые санки (по льду)*, от рус. «*ворот*», ср. также гл «*воротить*». «**Pojat tekkööt jääl vorotin**» В Этимологическом словаре данное слово отмечается [Eurén 1860] в значении «*ворот невода*». По данным Этимологического словаря, слово было известно в юго-восточных диалектах финского языка (SSA).

Следующие глаголы входят в эту группу:

Kostata – *угостить, угощать*. «**Siin talos kostataa vieraita ain hyvästi.**» От рус. «*угощать*» или «*гость*» (см. ниже). Этимологический словарь дает форму «*kostita*» [юго-восточные диалекты] (SSA).

Kullaija – *проводить время бездельничая*. «**Ehä siit mittää valmist tult ku myö vaa kullatii koko päivän.**» От рус. «*гулять*» - «*...ходить, иногда и ездить, без дела, для прогулки, отдыха, движенья. Быть без дела*». (Даль.) Слово отмечается и в других диалектах финского языка в форме «*kuljailla*» (SSA).

Potsuvoijja – *угощать*, от рус. «*почевать*». «**Meitä potsuvoitii niiko piispaan rappilas.**» Этимологический словарь отмечает, что слово являлось свойственным для диалектов Карельского перешейка и Ингерманландии (SSA).

Одно наречие относится к данной группе:

Potsojollaa – *лежа*. От рус. «*почивать*». В. Руоппила отмечает формы «*potsojoksi*» и «*potsojona*» (Ruoppila 1986:41). По данным наших источников, слово в данной форме не распространено вне Карельского перешейка. В. Карвинен записал форму «*potsojom*» - «*лежа*», которая встречалась на Карельском перешейке и в окрестностях Выборга (Karvinen 1908:59).

4.2. Санкт-Петербург

В данном разделе мы рассматриваем заимствования, связанные с путешествиями финнов с Карельского перешейка в Санкт-Петербург. Как уже отмечалось в третьей главе, эти путешествия совершали не для развлечения, а ради получения доходов. В этот раздел включены и все те заимствования, которые так или иначе связаны с торговлей через границу. Рассмотрим сначала следующие существительные:

Hartsoona – *постоялый двор*. «**Systerpeki hartsoonas oltii yötä.**» От рус. «*харчевня*»- «устар. Трактир, закусочная с дешевыми и простыми кушаньями» (БТС). Слово встречается в юго-восточных диалектах в разных формах (hartsina, hartseuna, hartsuona) [Euren] (SSA).

Kortavoi – *полицейский*. «**Pietaris kortavoil ol paksu pamppu.**» От рус. «*городовой*» - «в России с 1862 года до 1917 года нижний чин городской полиции» (БТС).

Maalitsa-ajo – *масленичное катание*. «**Vennäivalla aikan miehet käivät Pietaris maalitsa-ajos.**» Во время масленицы многие финны, которые имели хорошую лошадь, ездили в Санкт-Петербург зарабатывать на масленичном катании. Они украшали свою лошадь (см. «**lasatka**») и сани (см. «**saahka**») цветами и колокольчиками (см. «**kalkkalo**») и сами надевали пестрый кушак (см. «**kussakko**»). Для жителей Санкт-Петербурга масленица не была настоящей масленицей, если они не катались на финских санях. (Karste-Liikkanen 1968:81-84.)

Natsaiju – *чаевые*, «**Pietaris pit antaa natsaijuu joka paikas.**», от рус. «*дать на чай*». Данное слово встречалось в столичном сленге в начале 20-го столетия в форме «natsaju» или «natsaiju». В нем оно имело два значения – «взятка» и «чаевые». [Krohn, Stenvall, Siivonen] (TSBS.) Судя по многим примерам, приведенным Карсте-Лийкканен, данное слово было известно в этом значении и жителям Карельского перешейка, занимающимся торговлей за русской границей. Приведем пример: из разных районов перешейка вывозили в Санкт-Петербург муравьиные яйца. Так как они были очень легкие и их цена определялась по весу, некоторые добавляли в мешки песок. В таком случае при проверке качества надо было втайне подать, напр., пятикопеечную золотую монету в руку проверяющего. Так товар оказывался «качественным». (Karste-Liikkanen 1968:148.) Необходимым оказывался «natsaiju» при таможенных досмотрах.

Часто взятки давали уже заранее, на заставе (см. «**sastava**»). Тогда досмотр был только формальным. Зарплата таможенников (см. и «**opessikka**») была такая низкая, что они не прожили бы без взяток (там же:246). Но, с другой стороны, чаевые иногда составляли значительную часть дохода и у финнов, работающих в Санкт-Петербурге, напр., на масленичном катании (см. «**maalitsa-ajo**») (см. там же:1968:82).

Neuskoi – *Невский проспект в Санкт-Петербурге.*

Opessikka – *таможенник.* От рус. «*объездчик*». По определению Даля, «*объездчик - стражник, конный дозорщик, разъездной. Пограничные, лесные объездчики (о всаднике).* (Даль.) Согласно Г. Карсте-Лийкканен, при этом имелся в виду именно разъездной таможенник. Они часто проверяли путешественников по дороге после таможенного осмотра. Если путешественники обманывали на таможне, им надо было опять платить «**natsaijju**». (Karste-Liikkanen 1968:247.)

Pola – *лежанка; лавка,* от рус. «*пол*». По определению Даля, слово «*пол*» имеет и значение «*помост, вместо кровати*». Этимологический словарь констатирует, что данное заимствование известно и вне Карельского перешейка (SSA). Словарь современного финского языка определяет слово как народное (NSSK).

Pumasniekka – *бумажник,* от рус. «*бумажник*».

Rintka – *рынок,* от рус. «*рын/ок-ка*». «**Siel Pietari rintkal ol kaikellaista elämää.**»

Sainoi – *кафе,* от рус. «*чайная, (в чайной)*». «**Myö istutii Kyyryläs siin kolkkasainois.**» Г. Карсте-Лийкканен пишет, что слово «*sainoi*» употреблялось только в волостях недалеко от русской границы; на северном перешейке оно не было известно (Karste-Liikkanen 1968:29).

Sastava – *шлагбаум на границе России во времена автономии,* от рус. «*застава*».

Utsiska – *кутузка,* от рус. «*участок*». «**Humalikkaat vietii utsiskaa.**»

Voksal – вокзал, от рус. «вокзал». По данным Этимологического словаря, слово широко известно в диалектном языке (SSA).

Группа содержит в себе и глаголы:

Maasuttaa – *дать взятку*. От рус. «мазать; мажу». «**Ino pattertöis maasutettii joka paikas.**» Слово было известно и в столичном сленге в 1910 – 1970 – годах (TSBS).

Molottaa – *говорить на чужом языке*. «**Hyö molottiit keskennää venättä.**» Плөгер считает, что данное слово является производным от диалектного глагола «*molia*» - «о громкой молитве православных», он восходит к глаголу «молить» (Plöger 1973:104). Глагол известен и в столичном сленге в значении «говорить, болтать» (TSBS). Данный глагол отмечается и в Словаре современного финского языка в значении «говорить» (NSSK). Вероятно, его часто связывают именно с русским языком (см. Словарь современного финского языка - «*Ryssä molotti jotakin omalla kielellään*» и Словарь сленга г. Хельсинки - «*Ne molotti ryssää ja dallas kaulukset pystyssä*»).

Posmittaa – *говорить на чужом языке*. «**Taatsa herra posmitti venäjää.**» Возможно, от рус. «*Боже мой!*» По данным Этимологического словаря, это заимствование известно в восточных диалектах финского языка и местами и в районе Похьянмаа (SSA). Также Словарь современного финского языка отмечает это слово, но дает ему значение: «живая, непонятная речь» (NSSK).

4.2.1. Торговля

Возвращение Выборгской губернии в состав Финляндии оказало большое влияние на торговые и культурные отношения между финнами и русскими - путь к новой столице России был открыт. В 1856-ом году торговля оживилась благодаря завершению строительства Сайменского канала. Еще одним значительным событием в развитии торговых отношений было открытие железнодорожного сообщения из Выборга в Санкт-Петербург в 1870-ом году (Karste-Liikkanen 1968:15-16). Рассмотрим теперь существительные, связанные с торговлей:

Arssina – мера длины (71 см), от рус. «аршин» - «старинная мера длины, равная 0,711 метра (применялась до введения метрической системы)» (БТС). Плөгер приводит и форму «**arsina**» в старом литературном языке, но эта форма употребляется только один раз и ее значение неясно (Plöger:48). По данным Этимологического словаря финского языка, «**arsina**» встречается в юго-восточных диалектах и в Саво [Ganander] (SSA). Оно отмечается и в словаре современного финского языка (NSSK). Данное существительное имеет и производный глагол: «**arssinoija**» – *мерить*, производное от слова «**arssina**». «**Myöjä arssinoi miul viis metrii sitä retonii.**» Словарь столичного сленга приводит это слово в форме «**arssinoida**» и в переносном значении: «*думать, обдумывать*» (1920-30-ые годы) [Ollila] (TSBS). Слово встречается, кроме юго-восточных диалектов и диалектов Саво, в Похьянмаа и в средней Финляндии в значении «*мерить, оценить, обдумывать*» (SSA).

Kirri - *гиря*. «**Kirrit pittää ruunata joka kolmais vuosi.**» От рус. «*гиря*».

Litkat – *рюмка водки после сделки*, мн.ч. от рус. «*литка*» – спрыски, могоарычи, запивки, попойка, при купле или продаже (Даль). «**Jos sie paat litkat ni tehää kaupat.**» По мнению Коскеньякко, данное заимствование восходит к позднему периоду славянских заимствований в финском языке (Plöger 1973:91). В Этимологическом словаре отмечается, что данное слово встречалось в юго-восточных диалектах и в диалектах Саво и северной Карелии [Lönnrot 1886] (SSA). В столичном сленге в 40-50-ых годах было известно слово «**litkaa**» в значении «*придача; то, что сверх положенной нормы*» - «**Se teki vähä litkaa duunis.**» (TSBS.) Множественное число «**litkat**» отмечается и в Словаре современного финского языка как часть словарного состава народного языка, но в нем ему дают и более широкое значение (NSSK).

Г. Карсте-Лийкканен описывает упомянутый выше обычай при торговле рыбами: «Обычно скупщик возил с собой несколько бутылок водки, чтобы потом угостить продавцов литками после окончания сделки. Иногда литками угощал и продавец...» (Karste-Liikkanen 1968:127). Литки не всегда обозначали питье водки, иногда пили и кофе (там же:155). В Петербурге после совершения сделки (рыбой) продавец угощал скупщика литками, которые состояли из сороковки водки, полубутылки водки и закусок (там же:135).

Puuta – *мера веса (16,38 кг)*, от рус. «*пуд*». Данное слово распространилось и в Саво (SSA).

Riuna – *мелочь*, (раньше десятикопеечная монета), от рус. «*гривна*». Данное слово отмечалось, кроме юго-восточных диалектов, и в диалектах Саво (SSA). В Словаре современного финского языка данному слову дают значение «старая русская денежная единица» (NSSK). Й. Калима отмечает и форму «*kriuna*» - «десятикопеечная монета» (Kalima 1952:150).

Tenki – *деньги*, от рус. «*деньги*». Этимологический словарь дает форму «*tenka*». [Schroderus 1637] (SSA). В старом столичном сленге встречались формы «*djengi*» [Karila, Wichmann] и «*dengi*» [Ollila] (TSBS). Единственное число «*tenka*» отмечается и в Словаре современного финского языка, но в значении: «полукопеечная монета» (NSSK). Форма «*tenka*» отмечается и Калимой в значении «*nummus minor; tributum solvendum*» (Kalima 1952:170).

Torkui – *посредническая торговля*, от рус. «*торговля*», или глагол «*торговать – торгуй*». «**Hää pittää munatorkuita.**» С данным словом связан глагол: «**torkuvoijja**» – *заниматься посреднической торговлей*, от рус. «*торговать*».

В данную тематическую группу входит также одно наречие:

Urkom – *наугад*, от рус. «*урком*» - «*урок*». У слова «*урок*» в русских северных и восточных диалектах возможно и такое склонение *урок* - твор. пад. *урком* (Kalima 1952:178). Г. Карсте-Лийкканен пишет, что иногда улов продавали «*урком*» уже до того, как его поднимали из воды (Karste-Liikkanen 1968:128).

4.2.1.1. Ввоз и вывоз

Начиная с самого своего основания, Санкт-Петербург рос очень быстро, и ко второй половине XIX века он был самым большим потребительским центром России; в нем нуждались в большом количестве продуктов и сырьевых запасов из окружающих его районов (Karste-Liikkanen 1968:119). С Карельского перешейка в Санкт-Петербург вывозили, в частности, не только молочные продукты, грибы, ягоды, скот, сено, но и продукты кустарного производства (см. раздел **Кустарное производство**). Из России в Финляндию, в свою очередь, ввозили хлеб и хлебобулочные изделия.

4.2.1.1.1. Молочные продукты

Г. Карсте-Лийкканен пишет, что спрос на финские молочные продукты был в Санкт-Петербурге большим. Туда регулярно вывозили большое количество молока, сливок и других молочных продуктов, особенно с восточной стороны перешейка. Согласно Карсте-Лийкканен, напр., в волости Рауту почти в каждой деревне жили люди, занимающиеся торговлей молоком и молочными продуктами (см. «**molotniekka**», разд. 4.3.1.) Их признаком был белый передник (см. «**peretniekka**»). Молоко собирали в деревянную посуду (см. «**kuksina**») и вывозили в Санкт-Петербург на саях (см. «**maitosaahka**»). (Karste-Liikkanen 1968:158-160.) К рассматриваемой группе относятся следующие слова:

Liuhki – сливки, от рус. «сливки». В. Руoppiла констатирует, что данное заимствование встречалось на территории Муолаа, Уусикиркко, Кивеннапа и Выборга (Ruoppila 1986:27).

Maasla – масло, от рус. «масло». Слово отмечает и В. Руoppiла (Ruoppila 1986:30). По нашим источникам, слово не распространено вне Карельского перешейка.

4.2.1.1.2. Грибы

Употребление грибов в пищу финны на Карельском перешейке переняли у русских дачников. В других частях в Финляндии употребление грибов усвоили позже. Грибы продавали дачникам и отвозили и в Санкт-Петербург. Их продавали и свежими, и консервированными. Среди жителей Карельского перешейка было известно, что русские не были придирчивыми относительно качества этого товара; годились и грибы с червями. (Karste-Liikkanen 1968:143-144.) Сюда относятся следующие существительные:

Morski – строчок, возможно, от рус. «сморчок», мн.ч. «сморчки». «**Morskit viijää Viipurii herroil.**» Данное заимствование распространилось на Карельском перешейке и в Ингерманландии (SSA). В. Руoppiла (Ruoppila 1986:32) пишет, что, вероятно, как финны, так и русские не отличали сморчок от строчка и поэтому путали и слова, обозначающие эти понятия.

Poroveikko – вид гриба, от рус. «боровик». В. Руопила отмечает форму «rogovikka». Слово было распространено и в Ингерманландии (Ruopila 1986:40).

Sirajevski – сыроежка, от рус. «сыроежка». «Sirajevskist ei tule maitoo.»

4.2.1.1.3. Хлебобулочные изделия

Русские хлебобулочные изделия, особенно хлеб, нравились финнам. Его привозили из России, часто в виде гостинца. Возделывание пшеницы в то время не было широко распространено в Финляндии, и поэтому хорошими гостинцами из-за границы считали сладкие хлебобулочные изделия из мелкозернистой пшеничной муки. (Karste-Liikkanen 1968:227-229.) Рассмотрим примеры:

Kauriska – пряник, от рус. «коврижка» - «1. Уменьш. коврига (большой, круглый хлеб). 2. Пряник, обычно медовый, с прослойкой из повидла или варенья» (БТС). Заимствование распространилось и в юго-восточное Хяме, южное Саво и южную Карелию [Lönnrot 1886] (SSA).

Liepa, liepuska – хлеб, от рус. «хлеб, хлебушко». Это заимствование было известно и в столичном сленге (Raunonen) (TSBS).

Paraski – бублик, баранка, от рус. «барашек, мн.ч. барашки». Этимологический словарь отмечает данное слово как часть словарного состава юго-восточных диалектов (SSA). Барашки, обычно продетые в мочальном волокне, привозили из Санкт-Петербурга в виде гостинца (Karste-Liikkanen 1968:228).

Pielaipulla – белый хлеб, от рус. «белый». «Pietarist sai enne vanhaa hyvää pielaipullaa»

Pulkka – маленькая, круглая пшеничная булка, от рус. «булка». Словарь столичного сленга отмечает формы «pulkki, bulkki» (TSBS). В Словаре современного финского языка данное слово определяется как народное и редко употребляемое (NSSK).

Puolpielai – *полубелый хлеб*, от рус. «белый». Данное заимствование встречалось на Карельском перешейке в немного варьируемых формах: «puolipielai», «polupielava» и «puolpielava» (Ruoppila 1986:42).

Sitnikka – *пшеничная булка*, от рус. «ситник». «**Pietari torilt sai enne hyyvää sitnikkaa.**» В старом говоре г. Хельсинки заимствованное слово «sitnika» обозначало русский хлеб (TSBS). Ситник пекли и на Карельском перешейке, но в восточные волости его привозили из России (Karste-Liikkanen 1968:229).

4.2.1.1.4. *Возбуждающие средства*

Kohvi – *кофе*, от рус. «кофе». Можно полагать, что звук «-o» в этой форме слова отражает именно русское влияние, ср. литературное слово «kahvi», корнем которого является шведское слово «kaffe». В словаре Л. Кантэ отмечается и ряд производных слова «kohvi»: «**lähtökohvit**» – *питьё кофе до расставания*, «**salakohvi**» – *питьё кофе между женищинами одного дома после того, как мужчины пошли работать за пределы двора*, «**tulokohvit**» – *кофе, которым угощают пришедшего* и «**vehnaskohvit**» – *кофе с булочкой*.

Kurit – *сигарета*, от рус. «курить».

Paatakka – *патока*. «**Jouluks ostetaa paatakkaa joka talloo.**», от рус. «патока». Данное заимствование отмечается и в Этимологическом словаре, но только в немного другой форме «раатокка» [Lönnrot 1886] (SSA). Патоку привозили из Санкт-Петербурга в бочках (см. «**potska**») и ели с чаем (см. «**saijju**») и булкой (см. «**sitnikka**»). Из нее готовили и сбитень (см. «**piittinä**»). (Karste-Liikkanen 1968:222.)

Paperossiloota – *пачка сигарет*, от рус. «папироса». Этимологический словарь финского языка считает данное слово заимствованием из русского языка, но добавляет, что слово могло - по крайней мере, частично - проникнуть в финский язык через шведский язык. Следует все-таки отметить, что слово пришло в шведский язык из русского языка. (SSA.) Данное слово распространено и вне территории диалекта, изучаемого нами (NSSK; Plöger 1973:121).

Piittinä – напиток из горячей воды и патоки. По определению Даля, сбитень - «горячий напиток, из подожженного меда с пряностями. Сбитень горячий, пьют подъячи!». Слово отмечается в Этимологическом словаре, по данным которого оно было распространено в юго-восточной Финляндии и Ингерманландии (SSA). С рынков Санкт-Петербурга сбитень пришел и в Финляндию. На Карельском перешейке сбитень продавали преимущественно русские, и он являлся одним из ярмарочных лакомств. (Karste-Liikkanen 1968:223.) В своей статье Й. Калима отмечает форму «riikkinä» и возводит это слово к русскому «сбитень» (Kalima 1907:151).

Saijju, saju – чай, от рус. «чай; чаю». Этимологический словарь отмечает форму «saiju», которая известна и вне территории говора средней части Карельского перешейка [Lönnrot 1880] (SSA). А. Плөгер (Plöger 1973:172) отмечает, что звук «-u» в конце слова объясняется тем, что род.пад. слова «чай» - «чаю». Форма «saju» заимствована и в сленг г. Хельсинки (TSBS). Данное заимствование отмечается и в Словаре современного финского языка как народное слово (NSSK). Чаепитие финны усвоили у русских. Оно было особенно распространено среди жителей в волостях недалеко от русской границы. (Karste-Liikkanen 1968:213-214.)

Sokurhiekkä, sokursanta – сахарный песок. Эта калька происходит от выражения «сахарный песок». Слово «sokrusanta», составленное по той же модели, употреблялось в говоре Хельсинки в 1910-30-ых годах [Kaiponen] (TSBS).

Sorokoska – полулитровая бутылка, от рус. «сороковка» – «1. Старинная русская мера жидкостей, равная 1/40 ведра или 0,31 литра (применялась до введения метрической системы.) 2. Бутылка такой вместимости для разлива водки; содержимое такой бутылки.» (БТС). Беспощинно из России можно было ввозить одну бутылку («сороковку») водки, если она была открыта. Так, много водки ввозили контрабандой в Финляндию. (Karste-liikkanen 1968:234.)

Suhhar – сахар, от рус. «сахар».

4.2.2. Контрабанда

Из облагаемых пошлиной товаров из России в Финляндию ввозили, в первую очередь, сахар, соль, табак и водку. В незначительном масштабе «контрабандой» занимались многие;

привозили из-за границы потребительские товары для собственного употребления. (Karste-Liikkanen 1968:232-233.) Но некоторые занимались и профессиональной контрабандой, преимущественно зимой, когда можно было ввозить товары по льду. «Золотая пора» контрабанды - от Первой мировой войны и революции до закрытия границы. Тогда в обедневшую Россию вывозили почти что угодно. (там же 239-240.) Из данной сферы лексики осталось существительное «**kontrapantsikka**» - от рус. «контрабандист». «**Hää ol kontrapantsikkan sillo Vennäi valla aikana.**»

4.3. Работа

Финское население Карельского перешейка работало в Санкт-Петербурге и в его окрестностях с самого основания города; сначала на принудительных работах, но позже добровольно. С Карельского перешейка на рынки Санкт-Петербурга вывозили множество разных товаров, и финны ездили за русскую границу зарабатывать то на масленичном катании, то в качестве мастеров какого-либо дела. По большей части работа в России была сезонной. Немалое влияние на жизнь на Карельском перешейке оказывал и т.н. дачный период (об этом в третьей главе).

4.3.1. Названия профессий

Из русского языка заимствованы следующие названия профессий:

Isvossikka – *кучер наемного экипажа*. «**Enne kapinaa ol Perkjärve asemalkii monta isvossikkaa.**» От рус. «извозчик» - «1. Кучер наемного экипажа, повозки, возница 2. Наемный экипаж с кучером.» (БТС.) Слово отмечается примерно в таком же значении в Словаре сленга города Хельсинки и у Плёгер. Она ссылается на Лённрота, по мнению которого данное слово относится к более позднему периоду заимствований (Plöger 1973:57) Слово отмечается и в Словаре современного финского языка (NSSK). С ростом числа дачников многие земледельцы на Карельском перешейке меняли профессию и начинали работать извозчиками, потому что данная работа была более выгодной. 10-15% всех земледельцев в волостях Кивеннапа и Уусикиркко занимались этой деятельностью круглый год, и летом их количество ещё вырастало. Со временем это часто приводило к тому, что состояние пахотных земель ухудшалось и их надо было продавать. (Karste-Liikkanen 1968:104.)

Kuharkka - *служанка у господ, работающая только в доме; кокетливая девушка*, от рус. «кухарка». По данным Этимологического словаря, это слово принадлежит юго-восточным диалектам, но его значение отличается от того значения, которое дает Кантез; Лённрот записал это слово в значении «*заведующая хозяйством*» (SSA). Значением русского слова «кухарка» является «*повариха*». В диалекте средней части Карельского перешейка его значение отчасти изменилось.

Kymmenniekka – *производитель работ*, от рус. «десятник» - «устар. Старший над группой рабочих (на строительных работах)» (БТС). Заимствование является полукалькой. Суффикс «-ник» превратился в «-niekka» (см. ниже в разд 4.3.4. о суффиксе «-niekka».)

Lotniekka - *плотник*, от рус. «плотник». В данном значении слово было известно на территории Рауту, Кивеннапа, Уусикиркко и Леми (Ruoppila 1986:28). Финские плотники славились в России своим мастерством и честностью и зарабатывали там неплохо (Karste-Liikkanen 1968:78).

Metsäpomo – *производитель работ на лесозаготовках*, «**pomo**» от рус. «помощник» В Этимологическом словаре данному заимствованию дается значение «начальник, заведующий, производитель работ». Слово «pomo» является общеизвестным везде в Финляндии в вышеупомянутых значениях (SSA).

Molotniekka - *посредник в торговле молоком*, от рус. «молочник».

Pantsikka – *предприниматель*, от рус. «контрабандист». Ср. также «**metsäpansikka**» – *закупищик леса*.

Pissar – *писарь*, от рус. «писарь». Плёгер отмечает слово в форме «**piissari**» (Plöger 1973:130).

Pomosniekka – *производитель работ*, от рус. «помощник». Данное слово отмечается в Словаре современного финского языка в следующем значении: «*прост. младший производитель работ*» (NSSK). В диалекте средней части Карельского перешейка под словом «**pomosniekka**» имели в

виду, в частности, начальника, который служил помощником помещика, но, с точки зрения работника, был в руководящем положении (Kähönen 1985:77).

Rikassikka – *продавец в магазине*, от рус. «приказчик» - «...купецкий приказчик, поверенный исполнитель» (Даль).

Ropotniekka – *работник*, от рус. «работник». Ср. и «**sornoi ropotniekka**» - «*подсобный рабочий*», «*чернорабочий*», от рус. «*чернорабочий*».

Tentsikka – *помощник*, от рус. «денщик», по определению Даля, «арх. поденщик, поденный работник.» «**Hää on sen metsäpomo tentsikkan.**» Этимологический словарь отмечает форму «tentsikka», но дает ей значения: «батрак» [Ganander 1787] и «денщик» [Lönnrot 1880] (SSA). Словарь современного финского языка также отмечает форму «tentsikka», давая ей значение «денщик» (NSSK). Слово было известно и в старом столичном сленге в значении «денщик» [Kurikka](TSBS).

Uratniekka – *подрядчик*, возможно, сочетание двух заимствований из русского языка: «urakka» и суффикса «-niekka». Возможно также, что это слово восходит к русскому слову «урядник» - «начальник», «распорядитель» (ср. Даль).

Vorniekka – *дворник*, от рус. «дворник». «**Mati Juos ol vorniekkän tohtori taatsal.**»

4.3.2. Барышники

Посредническая деятельность была выгодна в торговле на рынках Санкт-Петербурга. Скупщики собирали товар у производителей и потом продавали его на ярмарках и рынках за барыш. Хотя эта деятельность далеко не всегда была честна, она имела и хорошие стороны, в частности, с точки зрения деревенского населения. Из-за долгих расстояний не все мелкие производители имели возможность ездить на большие рынки или ярмарки, и «барышники» делали это за них. Со временем «барышники» специализировались по разным продуктам. (Karste-Liikkanen 1968:247-248.) Это видно и в нашем материале:

Kalaraassel – *покупатель рыбы*, от рус. «*прасол*» - «скупщик мяса и рыбы (для соленья?) для розничной, мелочной распродажи» (Даль). Прасолы занимались такой же посреднической деятельностью, как барышники.

Parisniekka – *занимающийся посреднической деятельностью*, от рус. «*барышник*». По данным Плёгер, слово восходит к позднему периоду заимствования и встречается на территории восточных диалектов финского языка (Plöger 1973:123). Данное слово отмечается и Лённротом напр., в следующих значениях: «скупщик, разносчик, ростовщик» (SSA).

Hevosparisniekka – *тот, кто торгует лошадьми*, от рус. «*барышник*». Одно из значений слова «*барышник*» именно «тот, кто торгует лошадьми» (БТС). Тем не менее, к этой основе прибавили морф «*hevos-*».

Porsasparisniekka – *тот, кто покупает поросят с целью посредничества*.

Vaskaraassel – *покупатель убойных телят*. Ср. **kalaraassel**.

4.3.3. Другие слова, связанные с работой

Aprakka – *зарплата, которую платят натуральными продуктами*. От русс. «*оброк*» - «в России до 1861 г: денежный или натуральный сбор, взимаемый с крестьян помещиками или государством. Напр. Жить на оброке. (Выплачивать помещику деньги вместо других повинностей). 2. ист. Сбор, взимаемый за отданную внаем землю или имущество» (БТС). Даль дает следующее значение: «црк. жалованье, плата за службу, дача» (Даль). И А. Плёгер отмечает это слово. Она ссылается на Микколу, по мнению которого оно было заимствовано в новгородское время, когда оно употреблялось прежде всего в значении сбора, который взимался со всех жителей одной деревни. [Mikkola] (Plöger 1973:47.) По данным Словаря современного финского языка, слово имеет исторический характер (NSSK). Оно встречалось и в Похьянмаа [Juslenius] (SSA). В. Руоппила констатирует, что словом «*apракка*» назывался налог, который крестьяне должны были платить до отмены крепостного права в 1861-ом году. «*Апракка*» платили, в первую очередь, натуральными продуктами. От данного заимствования образовано одно сложное слово: «**рапиаракка**» – *зарплата священника натуральными*

продуктами. Данное слово является сочетанием двух заимствований из русского языка; слово «rappi» восходит к более раннему периоду славянских заимствований (Plöger 1973:121).

Oprakka – *подряд*. «**Se homma on siun oprakkais.**» от рус. «*оброк*». Ср. **aprakka**. В этом случае важна мысль о чем-то необходимом, о долге, который надо исполнить.

Rokuli – *временное отсутствие на работе*, от рус. «*прогул*». «**Mie pien huomen rokulii.**» Данное слово широко известно в финских диалектах и просторечии. Оно отмечается и в Этимологическом словаре и в Словаре сленга г. Хельсинки (SSA; TSBS). Согласно А. Плөгер, данное слово распространилось из речи сплавщиков [Vähäisiä kirjelmiä, 1908] (Plöger 1973:162).

Ropotti – *подённая работа в пожалованном имени*, от рус. «*работа*». «**Volka ratsast valkijal hevospel käskemäs väkkee ropottii.**» Слово «**ropotti**» встречалось, в первую очередь, в юго-восточной Финляндии, но и местами в диалектах Саво и средней Похьянмаа [Ganander] (SSA). В старом сленге данное заимствование имело значение «*работа*». Это заимствование отмечается также в Словаре современного финского языка как народное слово (NSSK). А. Плөгер также определяет слово как народное (Plöger 1973:164).

Sapassi – *окончание работы*, от рус. «*шабаши*». «**Nyt otetaa jo sapassi.**» «...отдых, конец работе, время, свободное от дела» (Даль).

В нашем материале встретились и некоторые глаголы, подходящие в эту группу:

Paritsoijja – *заниматься торговлей*, ср. рус. «*барышничать*». Из такого же корня исходит существительное «paritsa» - (что-то) в придачу, от рус. «*барыши*», отмечено Плөгер (Plöger 1973:123).

Remontierata – *ремонттировать*, от рус. «*ремонттировать*». Возможно, что это заимствование проникло в диалект Карельского перешейка из тех диалектов шведского языка, которые употребляются в Финляндии, и происходит от слова «remontera» – *ремонттировать*. Но опять русский вариант, по своим фонетическим чертам, ближе к данному слову (ср. «remontierata»/ «ремонттировать»/ «remontera»).

Ropottaa – *работать*, от рус. «*работать*».

4.3.4. Суффикс «-niekka»

Особую группу среди слов в данном разделе, образуют слова с суффиксом «-niekka» от рус. «-ник». Т.Е. Утила отмечает, что суффиксы заимствуются через заимствование самих слов. По его мнению, особенно суффиксы, обозначающие деятеля, заимствуются довольно легко. (Uotila 1945:568.) Примеров этого в нашем материале очень много (кроме данного раздела, см. и, напр., разд. 4.5.). В своей рецензии на труд М. Раполы «*Sanojemme ensiesiintymiä Agricolasta Yrjö Koskiseen*» (1960) Йоуко Весиканса пишет, что заимствование «-niekka» проникло в литературный финский язык в конце XVII века и в XIX веке из восточных диалектов финского языка. По его мнению, слова с данным суффиксом уже почти полностью ассимилировались в финской лексике (Vesikansa 1962:82) и поэтому не ощущаются как заимствования. Интересную точку зрения излагает Терхо Итконен в своей рецензии на труд Пяйви Ринталы «*Suomen läntä-loppuiset adjektiivit*» (1972). Он пишет, что суффикс «-niekka» вообще не суффикс, а скорее слово, которое не может существовать самостоятельно, а всегда является частью сложного слова. Эти слова называются «полусловами» (термин Ахлквиста). То, что данное слово не может существовать самостоятельно, по мнению Т. Итконена, не свидетельствует о том, что оно является суффиксом (Itkonen 1973:381-382). В нашем материале встречаются случаи, где заимствовано было целое слово, например «**lotniekka**» (см. выше в этом разд.) от рус. «*плотник*», но и слова с данным суффиксом, которые содержат и финские элементы, например «**röpsyniekka**» или «**süipniekka**» (в которых значение данного суффикса отошло от значения «*деятель*» и обозначает «*имеющее какое-то свойство*») или частичные кальки, (т.к. «**kymmenniekka**» от рус. «*десятник*»). По нашему мнению, то, что суффикс употребляется и присоединяется так свободно со своими элементами, свидетельствует о том, что он уже очень прочно адаптирован в системе воспринимающего языка.

4.4. Кустарное производство

Так как кустарное производство, в общем, не было особенно развито на Карельском перешейке, много предметов повседневного обихода привозили из Санкт-Петербурга. Однако некоторыми

изделиями жители перешейка славились; по мнению Карсте-Лийкканен, самым значительным видом кустарного производства было производство повозок и саней. Начиная с 1830-ых годов, волость Валкъярви становилась центром производства, и с 1860-ых годов сани и повозки начали вывозить в Санкт-Петербург. Барышники занимались посредничеством и поэтому за границу могли вывозить как можно больше саней: спрос был масштабным. Данный промысел был прибыльной деятельностью, но когда торговые отношения полностью прекратились в 1917-ом году, производство рухнуло. (Karste-Liikkanen 1968:209-213.)

Деревня Кююрёля (рус. Красносельское, или Красное Село) в волости Муолаа была центром производства глиняных сосудов. Население деревни Кююрёля было преимущественно русским и принесло с собой мастерство изготовления глиняных сосудов. Искусство передавали из поколения в поколение, и оно осталось живым до Первой советско-финской войны (Baschmakov 1993:80). Типов сосудов было много: в них хранили молоко, тесто или готовили еду в печи. Изготовление глиняных сосудов в деревне Кююрёля было масштабным, и их продавали почти по всей Финляндии и вывозили также в Санкт-Петербург. (Karste-Liikkanen 1968:197-198.)

4.4.1. Сани и повозки

Заимствованиями, обозначающими сани, повозки или их части, являются следующие:

Kaleskat – повозка, тележка, от рус. «коляска». Кроме юго-восточных диалектов, слово встречается и в других диалектах, но в форме «kaleesi» (от швед. «kalläs» < фр. «calèche») (SSA), но в юго-восточные диалекты данное слово, очевидно, проникло из русского языка (ср. рус. «коляска» - «kaleskat» и шв. «kalläs» - «kaleesi»).

Koikat – кузов с низкими краями на телеге или санях. От рус. «койка», которое имеет и значение - «съемный кузов или ящик на рабочей телеге» (Даль). Согласно Лённроту, слово известно и в других диалектах финского языка (SSA).

Kosla – кузов (в средстве передвижения). «**Huippää koslal ni lähetää.**» От рус. «козлы» - «сиденье для кучера в передке экипажа, повозки» (БТС). Даль дает следующее определение: «козлы» - «сиденье для кучера, у повозок всех родов» (Даль). В столичном сленге слово употребляется в значении «машина» и «велосипед» (TSBS). Так, в столичном сленге его значение испытало больший сдвиг при заимствовании.

Pekurek – сани для одного человека, от рус. «бег – на бегу». По данным Этимологического словаря, данное слово известно в юго-восточных диалектах Финляндии (SSA).

Potporkka – поперечная балка на санях, от рус. «подпорка» - «то, что подпирает, поддерживает что-то» (БТС).

Saahka – сани для катания, от рус. «сани, санки» (на санях, на санках) «**Suompuoloiset sannoot saahkaa kirkkoreeks.**» От «saahka» образовано и сложное слово: «**maitosaahka**» – сани для перевозки молока.

Teleskat – повозка, от рус. «тележка». А. Плөгер отмечает формы «teleska» и «telega», но дает им более точное определение, чем Кантеэ (Plöger 1973:201).

4.4.2. Глиняные сосуды и другие предметы

В нашем материале встречаются следующие слова, связанные с производством глиняной посуды и других предметов:

Kornu – печь гончара. «**Kuuryläs ja Parkkilas on kornu melkee joka talos.**» От рус. «горн, в горну» – «печь для накаливания и переплавки металлов, для обжига керамических изделий и т.п. Гончарный горн, кузнечный горн» (БТС). Слово начало распространяться из деревни Кююрёля, но кроме юго-восточных диалектов, оно, согласно нашим источникам, не встречается в других диалектах. Ср. и сложное слово: «**kornupuut**» – дрова для отопления горна. «**Sarini Pekka ost mei vanhan hirslaon kornupuiks.**»

В Санкт-Петербурге метлы продавали на заводы и в разные учреждения. Цена их не была высокая, но в пограничных деревнях многие содержали себя, изготавливая веники. (Karste-Liikkanen 1968:150.) Это отражает заимствование существительного «**metla**» от рус. «метла». «**Pojat lakasiit metla kääes kartanomaata.**» Сфера распространения данного слова – восточные диалекты Финляндии [Lönnrot 1874] (SSA).

4.5. Названия, относящиеся к людям

Словами, обозначающими людей по разным признакам, являются следующие существительные:

Akkaparisniekka – человек, который часто женится. «**Hää on sellanen akkaparisniekka, et hänel on jo kolmais naine.**», от рус. «барышник». См. **parisniekka** (разд. 4.3.2.). Можно полагать, что вторая часть этого сложного слова «-parisniekka» восходит к рус. «барышник», и к нему присоединили финское слово «**akka**», обозначающее бабу.

Arttel – группа. «**Siel ko ol metsärosmoloi, ni hyö aijjoit Pietarii ain arttelis.**» От рус. «артель» - «объединение группы лиц для совместной работы с участием в общих доходах и общей ответственностью» (БТС). Словарь современного финского языка приводит слово в форме «artteli» - «народное название некоторых коллективов для рыбной ловли или т.п. работы» (NSSK). Словарь финских диалектов отмечает, что данное слово распространилось и вне средней части перешейка (SMS). Даль дает слову следующие значения: «товарищество за круговой порукой, братство где все за одного, один за всех; дружина, соглас, община, общество, товарищество, братство, для общего хозяйства и особенно пищи, также для работы сообща и раздела заработков, за вычетом расходов, прогула» (Даль). Также Плёгер отмечает данное слово в народном значении «коллектив рыбаков и подобных работников» (Plöger 1973:49). Слово встречается и в южном Саво и в Кайнуу [Lönnrot] (SSA).

Kupetsa – зажиточный человек, от рус. «купец - род.пад. купца». Слово отмечается в Словаре столичного сленга в форме «kupitsa» (начало XX века), и оно сохранило свое первоначальное значение [Kaironen](TSBS). Плёгер отмечает данное заимствование в форме «kupetsi» (диал.) [Lönnrot 1867] (Plöger 1973:82).

Maatuska – *простая женщина, баба*, от рус. «*матушка*». Слово является известным в других финских диалектах, но, напр., в старом сленге г. Хельсинки оно имеет другое значение: «*русская женщина*» [Kaiponen] (TSBS). Также Плёгер и Словарь современного финского языка дают значение «*русская женщина*» и определяют слово как просторечное (NSSK). Слово «*матушка*» в русском языке употребляется и в обращении к пожилой женщине (Словарь Ушакова, www) – слово заимствовано в диалекте средней части Карельского перешейка именно в этом значении.

Musikka – *простой мужчина*, от рус. «*мужик*». Слово известно и в сленге г. Хельсинки (TSBS). По данным Словаря современного финского языка, данное слово является просторечным и значит «*русский мужчина*» (NSSK). Плёгер отмечает данное слово в значении «*русский (восточно-карельский, ингерманландский) деревенский житель*» (Plöger 1973:106). Согласно Калиме, данное заимствование известно, кроме восточных диалектов финского языка, и в других прибалтийско-финских языках (Kalima 1953:126).

Nakoma – *друг*, «**Hää on miu nakomain.**», от рус. «*знакомый*». Это заимствование известно и вне Карельского перешейка и было первым отмечено Лённротом в 1886-ом году (SSA). Согласно В. Руоппиле, данное слово было широко известно в говорах Выборгской губернии и Кюменлааксо (Ruoppila 1986:34).

Oposa – *группа, компания*. «**Siel ol kokonaine oposa poikii.**» От рус. «*обоз*» - «*сборище путевых, кладных повозок*» (Даль). Согласно В. Руоппиле, данное слово встречалось в Кивеннапа, Йоханнесе и Сяккярви и оно имело значение «*обоз, ряд лошадей*» (Ruoppila 1986:36). Согласно Г. Карсте-Лийкканен, «*oposa*» обозначало «*ряд*» (Karste-Liikkanen 1968:162).

Raapuska – *помощница при родах, акушерка*, от рус. «*бабушка*». Данное заимствование первым записал Лённрот. Оно было известно в юго-восточных диалектах и в некоторых местах в Кюменлааксо. (SSA.) Кроме своего значения «*бабушка*», данное слово имеет и значение «*повитуха*» (Даль). Форма «*vaabuska*», обозначающая «*мать*», известна в сленге города Хельсинки (TSBS).

Passipoherra – *очень вежливый мужчина*, от рус. «*спасибо*».

Popul, populpoika – *безденежный*, от рус. «бобыль». «**Ehä miekää iha populpoika oo.**» По определению Даля, «бобыль» - это «пролетарий; крестьянин, не владеющий землею, не потому чтобы занимался промыслами или торговлей, а по бедности» (Даль). Словарь современного финского языка отмечает форму «populi» и дает ей следующие значения: «жилец крестьянского дома, безземельный крестьянин в губернии Кякисалми» (NSSK). Й. Калима отмечает форму «populi» (вост.-фин.) и дает ей значение «бобыль» (Kalima 1952:140).

Purlakka – *бездельник*, от рус. «бурлак». По определению Даля, «бурлак» - «...крестьянин, идущий в чужбину на заработки, не женатый, холостой, одинокий, бездомок, шатун, побродяга. Бурлаковать кур. вор. вести холостую, разгульную жизнь» (Даль). Этимологический словарь отмечает данное слово и территорией его распространения называет юго-восточную Финляндию и Ингерманландию (SSA). Данное слово отмечается в Словаре современного финского языка как народное слово в значении «бродяга, человек без постоянного места жительства; молодой человек» (NSSK). Значения, которые дает А. Плёгер, также не соответствуют тому значению, которое слово имело в диалекте средней части Карельского перешейка (ср. Plöger 1973:147-148).

Rosmo – *разбойник*, от рус. «разбойник». От того же слова-источника было заимствовано слово «rosvo» в финский литературный язык. Этимологический словарь констатирует, что в тех местностях, где известна форма «rosmo», на нее повлияло дескриптивное слово «rohmu» (SSA). Форма «rosmo» была заимствована и в сленг столицы [Nieminen] (TSBS), и, по определению Словаря современного финского языка, оно является диалектным (NSSK).

Sorokkova – *ленивец*. «**Макажаа ко sorokkova.**» Возможно, происходит от рус. «сороковка», обозначающая бутылку емкостью в 400 грамм.

Taarai nakoma – *хороший друг*, от рус. «старый знакомый». «**Myöhä ollaa häne kanssaa iha taarai nakomii.**»

Tarikka – *старикашка*, от рус. «старик». В финской языке данное слово приобрело негативный оттенок значения.

Tievuska – незамужняя женщина, девушка, от рус. «девушка».

Vatakka – группа, от рус. «ватага». «**Siel on pojavatakka pahojaa tekemäs.**»

Vunukka – внук, внучка, от рус. «внук». «**Heil on kaikkijaa kymmenä vunukkaa.**» В значении «внук» слово было известно на Карельском перешейке и в Ингерманландии [Eurén 1860, Lönnrot 1880] (SSA). Словарь современного финского языка отмечает слово и определяет его как народное (NSSK).

К данной группе заимствований относятся и следующие прилагательные:

Hotniekka – охотный, ретивый. «**Se mies on hotniekka tappelmaa.**» Возможно, от рус. «охотник» – «тот, кто добровольно берется за выполнение какого-то дела, поручения» (BTC).

Louhka – добродушный, от рус. «ловкий – ловко». В Руoppiла отмечает данное заимствование в значении «щедрый, вежливый, добродушный». Согласно ему, слово встречалось и вне территории средней части Карельского Перешейка. (Ruoppila 1986:28)

Matlakka – заискивающий, от рус. «маклак» – пренебр. «Тот, кто наживается, перепродавая что-л., спекулянт» (BTC). «**Venäläine on sellane matlakka.**» Словарь современного финского языка отмечает слово и определяет его как диалектное (NSSK). Плөгер отмечает, кроме данного прилагательного, и глагол «maklattaa» – «заискивать, угодничать» (Plöger 1973:99). По данным Этимологического словаря, форма «matlakka» распространилась, прежде всего, в юго-восточных диалектах и диалектах Кюменлааксо (SSA).

Metka – странный, своеобразный, от рус. «меткий». По данным этимологического словаря данное слово распространилось и за пределы территории средней части Карельского перешейка (SSA).

Molotsa – молодец, красавец, «**Siehä oot iha molotsa poika.**», от рус. «молодец», род. пад. «молодца». Этимологический словарь отмечает форму «molotsi», давая ему то же самое значение [Lönnrot 1874] (SSA).

Ohvatta – *резвый*. «**Se on ohvatta poika**», от рус. «охотник», диал. «охвотник». Этимологический словарь отмечает форму «ohvatniekka», которая встречается в районе юго-восточных диалектов, и имеет ту же самую этимологию. (SSA).

Sirkatsu – *в хорошем состоянии, толстоватый*. Возможно, от рус. «мясо черкесского быка». Г. Карсте-Лийкканен отмечает слово «sirkatsu» в значении «черкесский бык». Мясо черкесского быка предлагали гостям в харчевнях Санкт-Петербурга, причем очень большими порциями (Karste-Liikkanen 1968:63-64).

Topra – *хороший, добрый*, от рус. «добрый». «**Siehä ootkii topra poika**.» Это заимствование довольно широко известно в диалектах финского языка (SSA). Слово отмечается в Словаре современного финского языка, и оно определяется как народное (NSSK).

Utala – *смелый, бесстрашный*. «**Hää on nii utala mies, ettei pelkää mittää**.», от рус. «удалой, удалый». По данным Этимологического словаря, данное слово встречалось местами и вне территории юго-восточных диалектов [Kal, Eurén 1860] (SSA). Словарь современного финского языка отмечает данное слово, но дает ему значение: «резвый; хитрый» (NSSK).

Vesselä – *умный, ловкий*, от рус. «весёлый». «**Siehä ootkii vesselä poika**.» Отмечается в Этимологическом словаре в значении «ловкий; бодрый; живой; весёлый; игривый» (1842; Карелия и Ингерманландии). Более распространена форма «vesseli». (SSA.) Словарь столичного сленга отмечает форму «vesseli» в значении «мальчик» и «весёлый» (TSBS). В Словаре современного финского языка отмечаются обе формы в значениях «мальчик», «забавный человек», «забавный» (NSSK).

4.6. Отвлеченные понятия

В первой главе мы обсуждали вопрос заимствования слов. Мы отметили, что первыми обычно заимствуются «культурные» слова – названия предметов, нужных в контактной ситуации. Хотя большинство русских заимствований в нашем материале имеет практический характер – они относятся к лексике, необходимой в деловых отношениях или в быту – в нашем материале встречаются и слова, значение которых не такое конкретно-прагматическое. Это можно

рассматривать как знак более глубокого взаимодействия языков и этносов. С другой стороны, многие из этих слов могли заимствоваться и в обычных торговых ситуациях (напр. «**Peta**», «**Sortu**»).

Lepetuijaa – *чепуха*. «**Sinun puhheehis on nyt kyl lepetuijaa**», от рус. «*ленетать*» – «1. Говорить неправильно, несвязно, неясно произнося слова (о детях). Говорить невнятно, невразумительно (о взрослых). 2. *Пренебр.* Невразумительно, неубедительно рассуждать, объяснять» (БТС). На данное заимствование, возможно, повлияли и существительные «*ленетун*» и «*ленетунья*».

Nuusta – *беда*, от рус. «*нужда*». «**Hää män sinne nuustaa näkemään.**»

Paamatti – *самообладание*. «**Hää pit vaa paamattii vaik toine haukku hänet suut ja silmät täytee.**», от рус. «*память*». Этимологический словарь отмечает слово (юго-восточные диалекты), но его значение опять не совпадает с тем, которое дает Л. Кантеэ. [Lönnrot 1880] (SSA). В диалекте средней части Карельского перешейка при заимствовании данного слова значение отошло от первоначального значения.

Peta – *проблема*, от рус. «*беда*». Данное слово известно в юго-восточных диалектах и также в соседних говорах (SSA).

Salkka – *жаль*, от рус. «*жалко*». «**Salkkaha tuota poikaparkaa on.**»

Sortu – *сорт*, от рус. «*сорт*». Этимологический словарь дает форму «*sortti*», считая словом-источником шведск. «*sort*». По его определению, заимствование является общепотребительным. (SSA.) По нашему мнению, гласный «*-u*» в конце слова можно считать русским влиянием, так как родительный падеж слова «сорт» - «*сорту*». Разумеется, что на западе слово приобрело западный, шведский облик - «*sortti*», а на востоке – по русской модели «*sortu*». «**Mitä sortuu se on?**»

Tiela – *проблема*, от рус. «*дело*». «**Siin onki pojal ies tiela.**» Ср. также *tielaitekkoo* – *повод для чего-то (в отрицательном значении)*. «**Siel miul eijjoo tielaitekkoo.**»

Заключение

В настоящей работе мы изучали русско-финские языковые контакты на материале диалекта средней части Карельского перешейка. В первой главе мы рассматривали теоретические вопросы языковых контактов. Языковой контакт, в своем самом простом определении – употребление более чем одного языка в одном месте. На то, какие результаты из него вытекают, влияет, среди прочего, временная продолжительность и интенсивность контакта. В рассмотрении языковых контактов и языковых изменений, вызванных ими («интерференция»), особенно важен их социальный характер. На передний план выдвигается понятие «*престижа*», которое во многом диктует направление языковых изменений, так что менее престижная форма языка «страдает» больше в языковом контакте. Однако в зависимости от социального характера языковых контактов данный закон – не устойчив, а сознательные или подсознательные предпочтения говорящего оказывают влияние на то, какие изменения происходят в языке вследствие языкового контакта. В данной главе мы рассматривали также теорию заимствования. Заимствование слов является одним из важнейших способов пополнения словарного состава языка. Мы определили разные типы лексических заимствований, из которых, относительно нашей работы, самыми существенными являются прямые заимствования (слово заимствуется как таковое). Из лингвистических причин заимствования стоит отметить культурные заимствования – предмет или понятие и его названия заимствуются вместе. В основе процесса заимствования – множество разных факторов, в определении которых мы опирались на идеи У. Вайнрайха. Согласно ему, те же лингвистические факторы, которые вызывают лексические новации в общем плане, вызывают и заимствование. Такими причинами являются, напр., желание избежать омонимии и потребность в синонимах. С этим связана и потребность в экспрессивных словах. Один из типичных результатов в интеграции заимствованных слов – специализация значения относительно стиля. Заимствования часто имеют экспрессивный характер, как показывает и наш материал. Мы также рассматривали фонетическое и лексическое освоение заимствованных лексем. Нами было отмечено, что заимствованные лексемы обычно подчиняются фонетической системе заимствующего языка. Лексическое освоение, в свою очередь, не такой простой процесс – и в нашем материале встречается много примеров экзотизмов. Согласно нашим источникам, на Карельском перешейке русские слова иногда вытесняли финские слова в повседневном употреблении. По мнению С.Г. Томасон, самый важный механизм языковых изменений, вызванных контактом –

это переключение кода. В перманентное заимствование при переключении кода слово превращается тогда, когда монолингвы адресатной группы употребляют его и когда оно адаптируется фонетически. Далее мы также кратко рассматривали русско-финские языковые контакты. Нами было установлено, что славянские заимствования в финском языке принято делить на два слоя. Заимствования, изучаемые нами, почти все без исключения относятся к более новому слою заимствований (начиная с XVIII века), и они все восходят к русскому языку. На Карельском перешейке контакты между финнами и русскими углубились после строительства города Санкт-Петербурга и во время автономии. Закрытие границы было концом русско-финских языковых контактов.

Во второй главе мы рассматривали базовые понятия диалектологии. Четкое определение существенных понятий диалектологии – весьма сложная задача. Термин «*диалект*» можно принять как «территориальную разновидность языка» или как «устный вариант языка». Второе определение включает в себя и устную форму литературного языка, которая не ограничивается определенной территорией. Однако некоторые исследователи считают, что литературный язык не может иметь устного варианта и диалектный язык не имеет письменности. В определении диалект мы опираемся на теорию М. Рапопы, согласно которому диалекты определяются как диалекты только через их отношение к языковому целому. К этому целому восходит и литературный вариант языка, устная форма которого также считается диалектом (при этом понятие диалекта не ограничивается «территориальной разновидностью языка»). Самая значительная разница между литературной и диалектной формами языка – социальная, т.е. их сфера употребления. Кодифицированный литературный язык представляет собой официальный язык общества, а диалектный – язык повседневной жизни. Нами было отмечено, что внеязыковые факторы являются важными в определении одного диалекта или говора – лингвистические черты не подчиняются географическим границам. Мы также отметили, что престижное положение литературного языка в отношении к диалектному языку – весьма условное; в лингвистике одна форма языка не превосходит другую или не считается более чистой или правильной. Социальный аспект важен также в рассмотрении понятия «*языка*» в отношении к «*диалекту*». При этом мы рассматривали термины, приведенными П. Траджиллом: «*автономия*» и «*гетерономия*». Существенное свойство кодифицированного языка – самостоятельность («*автономия*»), а диалекты являются гетерогенными относительно стандартизированной формы языка. Далее в данной главе мы также кратко рассматривали

финское диалектное членение и описывали главные черты юго-восточных диалектов. Мы отметили, что разделение финских диалектов восходит к временам, когда диалекты можно было связать с определенной территорией. Сегодня дела обстоят иначе – диалекты во многом уравнились и сблизились. Особенно сильную ассимиляцию испытывали собственно юго-восточные диалекты после эвакуации финского населения с Карельского перешейка. Нами было отмечено, что диалектная группа, изучаемая нами, являлась гетерогенной вследствие расположения на живом торговом маршруте.

В третьей главе мы сосредоточили внимание на истории Карельского перешейка. Важную роль в историческом развитии перешейка играла его расположенность между Швецией и Россией – восточная граница сегодняшней Финляндии перемещалась много раз, когда Швеция и Россия боролись за власть на перешейке. Важным было также строительство города Санкт-Петербурга – как нами было отмечено, финское население Карельского перешейка работало там сначала на принудительной работе, но позже оно начало совершать торговые поездки в российскую столицу. Это оказывало глубокое влияние на структуру сельского хозяйства перешейка – многие отошли от земледелия вследствие большой потребности в молочных продуктах и мясе на петербургском рынке. Также русское дачное население на перешейке предлагало более легкую работу в сфере обслуживания. Количество дачных гостей выросло после открытия Петербурго-Гельсингфорской железной дороги, и со временем значительная часть перешейка, особенно западных волостей на побережье, оказалась во владении русских. Сначала это не беспокоило финское население перешейка – польза от гостей превзошла возможную политическую угрозу. Из наших источников выясняется, что русское и финское население на перешейке – несмотря на живые контакты – не сливалось значительно. Что касается положения русского языка в этом районе, оно даже во время автономии не было престижным. Однако долговременное соседство, русскоговорящее меньшинство на перешейке и, особенно, живые торговые отношения служили плодотворной почвой для языкового взаимовлияния.

Четвертая глава представляет собой тематическую классификацию русских заимствований. В ходе анализа нами было выяснено, что русское влияние в сфере лексики средней части Карельского перешейка – действительно сильное. На самом деле, заимствованных слов мы выбрали в таком большом количестве, что мы не могли представить все слова в рамках этой работы. Хотя мы и ожидали этого, большое количество заимствований удивило нас: в словаре

Л. Кантеэ встретилось 351 слово, которые могут считаться русскими по происхождению. К этому числу можно добавить некоторые выражения и 16 неясных по происхождению слов. По нашим источникам, 155 данных заимствований принадлежат к словарному запасу только диалекта средней части Карельского перешейка. В это число входят и слова, которые употреблялись на всём перешейке или за его пределами, но которые в средней части перешейка имели особые фонетические черты, или значения, типичные для этого края. В заключении мы рассмотрим также слова, представленные в Приложении 1., так как среди них – много ценных примеров относительно целей нашей работы. Слова в настоящем анализе распределяются по своей грамматической характеристике и по тематике следующим образом:

Тематическая группа	Существительные	Прилагательные	Глаголы	Другие
Хозяйство	152		6	1
Санкт-Петербург	49		5	1
Работа	26		3	1
Кустарное производство	11			
Названия, относящиеся к людям	19	10		
Отвлеченные понятия	8			
Приложение 1.	13	8	15	23
Итого	278	18	29	26

Как показывает таблица, явное большинство заимствований состоит из существительных. Другие части речи образуют значительно меньшие группы. Это поддерживает утверждение С.Г. Томасон, что существительные заимствуются первыми. При этом большинство этих заимствований относятся к неосновной лексике, и часть данной лексики является культурными заимствованиями (название предмета заимствуется вместе с новым предметом) – заимствование основных же слов требует более длительного и глубокого контакта, чем вхождение неосновных заимствований. Однако в число заимствований входят и слова, которые, по нашему мнению, свидетельствуют об относительно глубоком взаимодействии языков. В качестве примера приведем слово «**vunukka**» от рус. «внук», которое, безусловно, относится к основной лексике. Также слов с высокой частотностью в материале достаточно много. Этот

факт не поддерживает утверждение У. Вайнрайха, что слова с высокой частотностью не склонны к замене.

В составе заимствованной лексики в материале, изучаемом нами, почти все слова являются прямыми, «грубыми» заимствованиями, но в число входят и кальки или полукальки, и такие слова, в которых сливаются русские и финские элементы. О прочной адаптации в языковой системе диалекта средней части Карельского перешейка свидетельствует фонетическая адаптация слов и подчинение их грамматической системе данного диалекта. Ниже в заключении мы представим в виде таблицы, какие именно фонетические изменения заимствования испытывали в процессе адаптации. Среди заимствований встречается также много экзотизмов, которые не являются освоенными лексически. Во многих словах наблюдается семантический сдвиг, и многие слова также приобрели экспрессивный оттенок при заимствовании. Это, как мы раньше отметили, типичная черта заимствованной лексики. Небольшой семантический сдвиг в нашем материале – не исключение, но в нем встречаются и случаи, в которых значение изменилось относительно сильно.

Группа под названием «**Хозяйство, домашний быт, повседневная жизнь**» представляет собой самую обширную группу в нашей работе. В нее входит всего 159 слово, из которых большинство существительные, и при этом - прямые заимствования, которые не испытали значительных семантических изменений при процессе заимствования. Семантическое сужение произошло в некоторых случаях – напр., слово «*кочан*» приобрело значение «*несъедобная часть капусты*». Слово «*кортик*» получило при заимствовании более будничное обозначение – «**kortikka**» употреблялось в значении «*металлический прут*». В некоторых заимствованиях сливаются элементы из финского и русского языка, так, напр., в слове «*opottavemmel*», от рус. «*обод*», в котором первая часть – прямой перенос, и выражает именно круглую форму дуги, а вторая – финское слово. Слово «**tytinä**» кажется нам особенно интересным. В нем отражается, кроме русского влияния, и экспрессивность – оно связано также с финским глаголом «**tytistä**». Однако оно семантически так близко к русскому «*студень*», что, безусловно, является заимствованием из русского языка. Интересно также слово «**keltsiska**» - «*горчица*», в котором соединяются финские и русские элементы – это сочетание слова «**keltainen**», которое указывает на желтый цвет горчицы, и русского суффикса «*-ица*».

Вторая группа «**Санкт-Петербург**» состоит из слов, которые, по нашему мнению, можно связать с посещением г. Санкт-Петербурга – данные слова относятся к самому городу, но и к торговле и названиям разных товаров. В данной группе значительное большинство является прямыми заимствованиями, которые подверглись фонетической адаптации в системе диалекта средней части Карельского перешейка. Семантические сдвиги наблюдаются, напр., в слове «**molottaa**» (от рус. «*молить*»), которое приобрело значение «*говорить на чужом языке*». По данным наших источников, этот глагол обозначает именно разговор на русском языке (ср. образец предложения в Словаре столичного сленга «*Ne molotti ryssä ja dallas kaulukset ruytysssä.*») Семантически близко слово «**posmittaa**», которое, возможно, восходит к рус. «*Боже мой!*», и имеет то же значение, как «**molottaa**».

Среди заимствований, которые мы рассматривали под заглавием «**Работа**», особая группа состоит из слов с суффиксом «**-niekka**». Часть этих слов – прямые переносы, а в их число входят, например, частичные кальки («**kymmenniekka**» от рус. «*десятник*».) Приобретение экспрессивного оттенка и сдвиг на уровне семантики наблюдаются у слова «**kuharkka**» (от рус. «*кухарка*»), которое в диалекте средней части Карельского перешейка имеет значения «*служанка у господ*» и «*кокетливая девушка*». Слово «**pomosniekka**» (от рус. «*помощник*») также испытало изменение значения – оно обозначает «*производитель работ*». Слово «*работа*» заимствовано в форме «**ropotti**», но его значение сузилось при заимствовании – оно приобрело значение «*поденная работа в пожалованном имении*». В заимствованиях этой группы, бесспорно, отражается многообразие разных работ как в России (т.е. в Санкт-Петербурге), так и на перешейке в сфере обслуживания русских дачников. В ходе анализа нами было установлено, что среди слов, относящихся к названиям профессий, подавляющее большинство относится к т.н. мужским профессиям. Так, из этого можно сделать вывод, что зарабатывать за границу ездили преимущественно мужчины.

Маленькую, но в культурном смысле важную группу составляют заимствования, относящиеся к названиям разных изделий кустарного производства. Слово «*подпорка*» приобрело специализированное значение в диалекте Карельского перешейка – «**potporkka**» обозначает именно поперечную балку на санях. Интересное заимствование «**pekurek**» - «*сани для одного человека*». Оно содержит в себе как русский, так и финский элемент. Первая часть сложного слова «**peku-**» является заимствованием от рус. «*на бегу*», а вторая – восточный вариант

финского существительного «**reki**». По нашему мнению, в этом заимствовании важно именно понятие скорости – на санях для одного, конечно, можно было ездить гораздо быстрее, чем на санях для перевозки продуктов и т.п. Эта группа содержит в себе типичные культурные заимствования – вместе с новым мастерством заимствовали и названия, связанные с ним (напр., «**kornu**»).

В следующей группе «**Слова, относящиеся к людям**» интересными заимствованиями являются «**maatуска**» - «*простая женщина*» и «**paapuska**» - «*акушерка*». Основное значение слова «*матушка* – «*мать*», но оно употребляется и при обращении к пожилым женщинам. Значит, в диалекте средней части Карельского перешейка встречается только один из вариантов значения. Слово также приобрело негативный оттенок, хотя в русском языке оно всегда положительное. Слово «*бабушка*» в русском языке обозначает родственные отношения, но имеет и значение «*акушерка*». Также это слово заимствовано только в одном из своих значений. Языки обычно не нуждаются в основных словах, и поэтому значение «*бабушка*» и «*матушка*» в своем первом значении не проникли в диалект, изучаемый нами. Семантический сдвиг произошел и при заимствовании слова «**kupetsa**» - совсем нейтральное название профессии приобрело более «*красочное*» значение – «*зажиточный человек*». Интересные семантические изменения испытали также слова «**sirkatsu**» и «**sorokkova**». Первое слово, которое, очевидно, восходит к русскому «*мясо черкесского быка*», в диалекте средней части Карельского перешейка приобрело значение «*в хорошем состоянии; толстоватый*». Данный сдвиг в семантике объясняется тем, что данное мясо предлагали гостям в Санкт-Петербургских харчевнях. Идея о «*сытной пище*» повлияла на то, что слово приобрело новое значение. «**Sorokkova**», корень которого, скорее всего, в русском «*сороковка*» - «*бутылка емкостью в 400 грамм*» - имеет значение «*ленивец*». Так, «*бутылка водки*» стала использоваться как метафора лени. Некоторые слова в нашем материале приобрели экспрессивный, юмористический характер – в качестве примеров этого можно привести два слова в данной группе: «**akkaparisniekka**» и «**passipoherra**». В первом слове название профессии, связанной с посреднической деятельностью, присоединили к слову «**akka**» - и получили слово, под которым имеется в виду мужчина, который часто женится. Во втором случае слово «*спасибо*» характеризует вежливое поведение человека.

Последняя группа в настоящем анализе заимствованных слов – «Отвлеченные понятия». Данная группа представляет собой особый интерес потому, что тот факт, что на Карельском перешейке заимствовались и абстрактные слова, можно считать знаком достаточно глубокого языкового взаимовлияния. С другой стороны – как мы уже отметили в разделе 4.6. – возможно также, что многие из слов с отвлеченным значением заимствовались в совсем обычных торговых ситуациях (напр., «**peta**» или «**sortu**»). А с другой стороны, заимствование таких слов, как, напр., «**lepetuijja**», требует более глубокого знания языка-источника, чем заимствование, допустим, восклицаний. Как нам известно, положение русского языка на перешейке не было доминирующим даже во время автономии, кроме русскоговорящих поселков, конечно. Заимствование отвлеченных слов требует более развитых знаний языка, даже билингвизма, чем владение только самыми обычными «деловыми» словами. Интересный семантический сдвиг произошел при заимствовании слова «**paamatti**» (от рус. «*память*»), которое приобрело значение «*самообладание*». Также значение слова «**tiela**» (от рус. «*дело*») модифицировалось семантически, приобретя негативный оттенок.

От всех слов, предлагаемых в нашей работе, отличается слово «**jummartaa**» (Приложение 1.). Его нельзя считать лексическим заимствованием из русского языка. Это финское слово, в котором отражается русское влияние. Мы считаем, что оно отражает русское произношение – звук «у» в глаголе «*ymmärtää*» заменили сочетанием «*ju-*», возможно, с намерением имитировать неправильное русское произношение финских слов. Глагол «**sopottaa**» (Приложение 1.) – «*шептать*», в некоторых наших источниках определяется как дескриптивно-ономатопозитическое (см., напр., NSSK). По нашему мнению, не следует исключать возможность заимствования. Дескриптивность слова может сливаться с чужим происхождением. Широкая сфера распространения объясняется сходством русского оригинала и своего, финского ономатопозитического слова. Негативный оттенок получил глагол «**iitua**» от рус. «*идти*», который в диалекте Карельского перешейка имел значение «*задерживаться*». У некоторых существительных произошло семантическое сужение или расширение значения. Примером семантического сужения служит «**portsu**» (Приложение 1.) от рус. «*порция*», имеющее только обозначение «*порция лекарства*». Прямой перенос вторичного значения наблюдается в слове «**volna**». Оно происходит от русского «*вольно*» – военная команда, отменяющая команду «*мирно!*» и разрешающая стоять в строю свободно. Оно соответствует финскому слову «*lero*». Интересный пример сочетания элементов из разных языков среди

данных слов представляет собой слово «**kuinepuit**», которое в диалекте средней части перешейка имело значение «*всеми возможными способами*». Возможно, что его вторая часть «**nepuit**» заимствована из русс. «как-нибудь», а первая – «**kui-**» от карельского «**kui**».

Как показывает материал, проанализированный нами, русские заимствования подвергались фонетической адаптации, проникая в диалект. Типичными изменениями являются следующие:

пл-, бл- сл-, пл-	l-	«плита» - « liitta », «блин» - « lini » «сливки» - « liuhki », «плуг» - « luukka »
-д-	-t-	«подушка» - « potuska »
б-	p-	«бумажка» - « pumaska »
з-, -ж-, ш-	s-	«зонтик» - « sontikka », «ложка» - « luska » «шабаш» - « sapassi »
-нк-, -тк-	-ntk-	«банка» - « pantka », «жилетка» - « silentkat »
-ч-, -щ-	-ts-	«бочка» - « potska », «денщик» - « tentsikka »
-ы-	-ui-	«мыло» - « muila »
-ф-	-hv-	«завтрак» - « sahvka »
г-, ск-	k-	«гармонь» - « karmooni », «скоба» - « kopitsa »
-мк-	-mpk-	«рамка» - « rampkat »
-я-	-ä-	«тяж» - « tääsä »
пр-, гр-	r-	«приуз» - « riusa », «гривна» - « riuna »
-овк-	-ouhk-	«винтовка» - « vintouhka »
дв-	v-	«дворник» - « vorniekka »
пр-	r-	«прогул» - « rokuli »
зн-	n-	«знакомый» - « nakoma »
-ак, -ик	-kka	«бурлак» - « purlakka », «объездчик» - « opessikka »
вну-	vunu-	«внук» - « vunukka »
-р-	-rr-	«сарай» - « sarrain »
-ы-	-i-	«гiра» - «рыба»
-ять	-aijja	«гулять» - « kullaijja »

Как явствует из таблицы, в адаптации заимствований почти всегда звонкие согласные звуки заменялись глухими звуками, с одним исключением – звук «-ф-» всегда изменялся в звук «-v-» или сочетание «-hv-». Также из двойных согласных в начале слова, без исключения, исчезал первый, или между ними появлялся дополнительный звук («плита» - «liitta», «внук» - «vunukka»). Типичная черта в адаптации слов в диалекте, изучаемом нами, - употребление «-t-» или «-r-» в виде дополнительного звука в таких случаях, когда в оригинале «-mk-» или «-nk-». Звуки «з», «ж», «щ» почти всегда заменяли звуком «s». Одной свойственной чертой для юго-восточных диалектов является т.н. «общая геминация», и это отражается и в адаптации некоторых слов («сарай» - «sarrain»). Выпадение согласного «o» встречается в адаптации слова «городовой» - «kortavoi». Русское ударение во многих случаях отражается в том, что на месте ударного слога – долгий согласный (ср. «maatuska» - «матушка»; «kaassa» - «каша»).

Самую большую группу заимствований по количеству образуют слова, связанные с повседневной жизнью. Как мы уже отметили, тематическое разделение – условное, и по данному разделению нельзя делать слишком далеко идущие выводы. Однако мы считаем, что такое количество названий бытовых предметов свидетельствует о том, что контакты были тесными. Это поддерживается и тем, что жизнь Карельского перешейка, особенно дачных поселков, изменилась и во многом зависела также от русских гостей и жителей г. Санкт-Петербурга. Как уже было отмечено, среди заимствованных слов встречаются примеры более глубокого взаимодействия и также более глубокого знания чужого языка. Из этого можно сделать вывод, что среди заимствующих были и билингвы – хотя, в общем, жители данного края не владели русским языком. Конечно, русскоговорящие поселки на перешейке играли свою роль в этом. В ходе этой работы мы выяснили, что, несмотря на живые контакты между финнами и русскими на перешейке, эти отношения были преимущественно торговыми по характеру – русское и финское население практически не сливались. Однако живые торговые отношения порождали то, что следы языкового взаимовлияния наблюдаются в лексике средней части Карельского перешейка отчетливо. На передний план в рассмотрении языковых контактов в данном районе выдвигается роль города Санкт-Петербурга. Его важность для жизни Карельского перешейка мы уже много раз подчеркивали – и она отражается и в нашем материале заимствованной лексики.

Библиография

- Калинин, Александр Васильевич, 1978: *Лексика русского языка*. 3-е издание. Издательство Московского университета.
- Лейнонен, Марья, 1986: Языковые контакты между финским и русским языками. *Исследования по русскому языку и литературе IV. Ученые записки отделения филологии II университета г. Тампере*. Под ред. Марьи Лейнонен. Том 12. Тампере. S. 52-73.
- РД 1989: *Русская диалектология*. Под ред. Л.Л. Касаткина, авт. Ц.Б. Бромлей [и др.]. 2-е изд., перераб. Москва Просвещение. Учебник для педагогических институтов.
- РД 2005: *Русская диалектология*. Под ред. Л.Л. Касаткина. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. Москва.
- РЯЭ 1979: *Русский язык. Энциклопедия*. Гл. ред. Ф.П. Филин. Издательство «Советская Энциклопедия». Москва.
- РЯЭ 1997: *Русский язык. Энциклопедия*. Издание 2-е. Гл. ред. Ю.Н. Караулов. Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». Москва.
- Сепир, Эдвард, 1993: *Избранные труды по языкознанию и культурологии*. Переводы с английского языка. Под ред. А.Е. Кибрика. Издательская группа «Прогресс». Москва.
- Baschmakov, Natalia 1993: *Kuuyrölään potit. Kuuyrölään perinnettä. Традиции Красного Села*. Toim. Tiina Harjula, Marja Leinonen, Olga Ovchinnikova. Slavica Tampere. Tampere. S. 79-85.
- Baschmakoff, Natalia – Leinonen, Marja, 1990: *Iz istorii i byta russkih v Finljandii. I. Studia slavica Finlandensia. Tomus VII. Erillisjulkaisu*. Helsinki.
- Baschmakov, Natalia – Leinonen, Marja, 2001: *Russian life in Finland 1917-1939: A local and oral history*. Studia Slavica Finlandensia. Tomus XVIII. Helsinki.
- Hakulinen, Lauri 1969: *Suomen sanaston käännöslainoja*. SKS. Helsinki.
- Hakulinen, Lauri 1978: *Kielen näkymiä*. SKS. Helsinki.
- Hakulinen, Lauri 1979: *Suomen kielen rakenne ja kehitys*. Otavan korkeakoulukirjasto. 4. painos. Helsinki.
- Hakulinen, Lauri 1999: *Sanat ovat kaikki sarvipäitä*. Lauri Hakulisen kirjoituksia ja puheita vuosilta 1926-1974. Toimittaneet Auli Hakulinen, Pentti Leino ja Tiina Onnikki. SKS. Pieksämäki.
- Häkkinen, Kaisa 1983: *Suomen kielen vanhimmasta sanastosta ja sen tukimisesta: suomalais-ugrialaisten kieltenetymologisen tutkimuksen perusteita ja metodiikkaa*. Turun yliopisto. Turku.

- Häkkinen, Kaisa 1985: *Suomen kielen sanaston historiallista taustaa*. Fennistica 7. Åbo Akademi, Suomen kielen laitos. Turku.
- Häkkinen, Kaisa 1994: *Agricolasta nykykieleen. Suomen kirjakielen historia*. WSOY. Juva.
- Häkkinen, Kaisa 1996: *Suomalaisten esihistoriaa kielitieteen valossa*. SKS. Tietolipas 147. Karisto. Hämeenlinna.
- Hämynen, Tapio 1998: Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen maailmansotaan. *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. SKS. Helsinki. S. 153-206.
- Hämäläinen, Vilho 1985: Vanhan Suomen venäläiset huvila-asukkaat. *Venäläiset Suomessa 1809-1917*. Toim. Pauli Kurkinen. SHS. Helsinki. S. 115-124.
- Itkonen, Terho 1973: Suomen -läntä-adjektiivien historiaa. *Virittäjä*. Helsinki. S. 381-388.
- Jarva, Vesa 2003: *Venäläisperäisyys ja ekspressiivisyys suomen murteiden sanastossa*. Jyväskylän yliopisto. Jyväskylä.
- Kalima, Jalo 1952: *Slaavilaisperäinen sanastomme: tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisista lainasanoista*. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Helsinki.
- Karste-Liikkanen, Greta 1968: *Pietari-suuntaus kannakselaisessa elämänkentässä 1800-luvun loppupuolelta vuoteen 1918*. Suomen muinaismuistoyhdistys. Helsinki.
- Karvinen, Väinö 1908: Venäläisiä lainasanoja. *Virittäjä*. Helsinki. 1908. S. 58-59.
- Kaukiainen, Yrjö 1998: Kauppamiesten Karjala. *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. SKS. Helsinki. S. 125-152.
- Kirkinen, Heikki 1998: Keitä karjalaiset olivat? *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. SKS. Helsinki. S. 38-54.
- Klinge, Matti 1984: Venäläisyydestä Suomessa. *Venäläiset Suomessa 1809-1917*. SHS. Helsinki. S.11-16.
- Kähönen, Ester 1985: *Vanha Äyräpää II. Vuodet 1700-1870*. Lehtikanta Oy. Kouvola.
- Labov, William 1974: *Sociolinguistic Patterns*. University of Pennsylvania Press. Philadelphia.
- Leisiö, Larisa 2001: *Morphosyntactic Convergence and Integration in Finland Russian*. University of Tampere.
- Mikkola, Jooseppi J. 1894: *Berührungen zwischen den Westfinnischen und Slavischen Sprachen. Slavische Lehnwörter in den Westfinnischen Sprachen*. Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia. Helsinki.

- Niiniluoto, Marja 1991: Venäläiset sulkumerkit. *Suomi, suuriruhtinaanmaa*. Toim. Aino Kervinen. Tammi. Helsinki. S. 7-42.
- Ojanen, Muusa 1988: Suomalais-karjalais-venäläisistä kontakteista. *Kielikontakteja I: Tutkimuksia venäjän ja itämerensuomalasten kielten alalta. Kielitieteellisiä tutkimuksia*, Joensuun yliopisto, Joensuu. S. 11-30.
- Paaskoski, Jyrki 1998: Vanhan Suomen aikakausi – Karjala osana Venäjän keisarikuntaa 1710-1811. *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Toim. Pauli Nevalainen ja Hannes Sihvo. SKS. Helsinki. S. 92-124.
- Plöger, Angela 1973: *Die russischen Lehnwörter der finnischen Schriftsprache / von Angela Plöger*. Wiesbaden: Harrasowitz [in Komm]. Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica; Bd.8.
- Rapola, Martti 1961: *Johdatus suomen murteisiin*. SKS. Tietolipas 4. 2. painos. Helsinki.
- Rapola, Martti 1990: *Johdatus suomen murteisiin*. SKS. Tietolipas 4. 4. painos. Helsinki.
- Ruoppila, Veikko 1956: *Etelä-Karjalan murreopas*. Karjalaisen kulttuurin edistämisseuran julkaisu. Otava, Helsinki.
- Ruoppila, Veikko 1986: *Venäläisperäistä sanastoa suomen murteissa*. SKS. Helsinki.
- Sapir, Edward 1971: *Language: an introduction to the study of speech*. London, Granada.
- Sihvo, Hannes 1998: Karjalainen kulttuuri ja kulttuuri Karjalassa. *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Toim. Pekka Nevalainen ja Hannes Sihvo. SKS. Helsinki. S. 449-470.
- Thomason, Sarah Grey & Kaufman, Terrence 1991: *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. University of California Press.
- Thomason, Sarah Grey 2001: *Language Contact. An Introduction*. Edinburgh University Press.
- Trudgill, Peter 1984: *Sociolinguistics. An Introduction to Language and Society*. Penguin books.
- Turpeinen, Oiva 1984: Venäjänkielisten määrä Suomessa vuonna 1900. *Venäläiset Suomessa 1809-1917*. SHS. Helsinki. S. 21-28.
- Uotila, T.E. 1945: Hieman ri-johdannaisista. *Virittäjä*. Helsinki. S. 566.
- Vesikansa, Jouko 1962: Vanhan kirjasuomen sanastoa. *Virittäjä*. Helsinki. S. 80-84.
- Vihavainen, Timo 1991: Venäläiset ja suomalaiset. *Suomi, suuriruhtinaan maa*. Tammi. Helsinki.
- Weinreich, Uriel 1974: *Languages in Contact. Findings and Problems*. Eight printing. Mouton.
- Öhmann, Emil 1950: Suomen sana *pusero*. *Virittäjä*. S. 132-134.

Материалы, опубликованные в Интернете:

Зализняк, А.А.: *Заимствование*. <<http://www.krugosvet.ru/articles/82/1008259/1008259a1.htm>>
(Просмотрен 29.11.2006)

Leisiö, Larisa 2001: Areaalikontaktien sosiaaliset taustat ja kielelliset prosessit.
Virittäjä. - Helsinki : Kotikielen seura. 105 (2001): 2, 18. artikkeli
<<http://elektra.fi/se/v/0042-6806/105/2/areaalik.pdf>> (Просмотрен 29.11.2006)

Nuolijärvi, Pirkko 2005: Paikallisuus kielitieteessä. *Paikallisuus tieteessä*. Jyväskylä. 12.4.2005
<http://www.suomenkotiseutuliiitto.fi/kotiseutuliiitto/sivut/pdf/paikallisuus_nuolijarvi.pdf>
(Просмотрен 29.11.2006)

Savolainen, Erkki 1998:
<<http://www.internetix.ofw.fi/opinnot/opintojaksot/8kieletkirjallisuus/aidinkieli/murteet/kaakkois.html>> (Просмотрен 29.11.2006)

Söderholm, Eira 1998: Kieli, murre, varieteetti vai oma kieli? Pohjoiskalotin kielet ja kielimuodot.
Virittäjä. - Helsinki : Kotikielen seura. 102 (1998): 4, 4. artikkeli
<<http://elektra.helsinki.fi/se/v/0042-6806/102/4/kielimur.pdf>> (Просмотрен 30.11.2006)

Словари:

БТС 2002: *Большой толковый словарь русского языка*. Гл. ред. Кузнецов, С.А. Российская Академия наук. Институт лингвистических исследований. «Норинт». Санкт-Петербург.

Даль, В.И.: *Толковый словарь живого великорусского языка* <<http://vidahl.agava.ru/index.htm>>
(Просмотрен 26.05.2007)

Словарь Д.Н. Ушакова:<www.announcement.ru/enc_word/otchina_470073.html>(6 КБ)>
(Просмотрен 29.11.2006)

Ganander, Christfried 1997 [1787]: *Nytt finskt leksikon*. Alkuperäiskäsikirjoituksesta ja sen näköispainoksesta toimittanut Liisa Nuutinen. Suomalaisen kirjallisuuden seura. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki.

Hirvensalo, Laura 1993: *Saksa-suomi suursanakirja*. WSOY. 5. painos. Helsinki.

Kantee, Lauri, 2003: *Parrai päi. Keski-Kannaksen murresanakirja*. Toim. Jaakko Okker. Ooli Oy. Loimaa.

NSSK 1983 - *Nykysuomen sanakirja*, osa I A-K. 7. painos. Päätoimittaja Matti Sadeniemi. SKS. WSOY, Helsinki.

NSSK 1983 – *Nykysuomen sanakirja*, osat III ja IV L-R. 7. painos. Päätoimittaja Matti Sadeniemi. SKS. WSOY. Helsinki.

- NSSK 1983 – *Nykysuomen sanakirja*, osat V ja VI S-Ö. 7. painos. Päätoimittaja Matti Sadeniemi. SKS. WSOY. Helsinki.
- SMS 1994-1997 – *Suomen murteiden sanakirja*. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja 36, osat 1-6. Kotus, Helsinki.
- SSA 1992 – *Suomen sanojen alkuperä*, Etymologinen sanakirja. SKS. Kotimaisten kielten tutkimuskeskus, Helsinki. Osa 1. Päätoimittaja Erkki Itkonen.
- TSBS 2000 - *Tsennaaks Stadii, bonjaaks slangii*. Stadin slangin suursanakirja. Laatineet Heikki ja Marjatta Paunonen. WSOY. Helsinki.

<i>Заимствование</i>	<i>Значение</i>	<i>Русское слово или словосочетание</i>
a	в начале речи	а
alveportsu	противоглистное средства	порция
a vot!	Точно так!	А вот!
ahtiis	Какая досада!	ахти
harassoo	ладно, хорошо	хорошо
harosi	хорошо	хорошо
holotna	холод, холодно	холодно
hotsia	хотеть	хотеть (хочу)
Hotsis mortui?	Хочешь в морду?	
hotsittaa	(не) хотеться	хотеться
hutoi	плохой	худой
iitua	задерживаться	идти
Iti sutaa!	Иди сюда!	
jummartaa	понимать	
kakraas	сразу	как раз
kanava	канава у дороги	канава
kuinepuit	всеми возможными способами	наверное сочетание карельского « <i>kui</i> » и русс. «как-нибудь»
laatia	говорить	ладить
lakittaa	пить жадно	лакать
luosa	лужа	лужа
läsiä	болеть	лежать
läsivä	больной	производное из «läsiä»
maantiekanaava	канава на обочине дороги	канава
mirna	стойка «смирно»	смирно
mosna	должно было бы	можно
mostpuit	может быть	может быть
nastajassist	очень метко	настоящий
niet	нет	нет
pasaaluista	пожалуйста	пожалуйста
passiipa	спасибо	спасибо
petlukka	петля в конце веревки	петля
pielaja	белый	белая
pikommii	очень быстро	бегом
polsoi	большой	большой
poloska, также tiepoloska	определенная часть	полоска
romilijja	объяснять как будто произнося	«Господи помилуй!»

	проповедь	
romokaijja	помогать	помогать
ponimaijja	понимать	понимать
portsu	доза лекарства	порция
Potjom!	Давай! (призыв к действию)	Пойдем!
puittost	якобы, будто бы	будто (бы)
pujanoijja	распоряжаться	буянить
pustoi	напрасный, бесполезный	пустой
putjom	подробно	путём
putska	пучок	пуч/ок - ка
roopuska	пропуск	пропуск
rostoi	грубо сделанный	простой
<i>räätynnää, räätyy myötää</i>	каждый в свою очередь	ряд
sopottaa	шептать	шёпот
sornaja	черной	черная
soromnoi	хорошо, все хорошо	все равно
sut sut	еле-еле	чуть-чуть
tassia	тащить	тащить
taunoo	уже давно	давно
Tavai!	призыв к действию	Давай!
tutierata	исследовать, расспрашивать	штудировать
tolkku pois	обморочный	толк-у
utsittaa	командовать	учить
vernast	скудно, мало	верно
vesluosa	маленькая лужа	лужа
volna	отдых	вольно
vot sillää	вот так	вот

Слова, происхождение которых является неясным:

<i>Заимствование</i>	<i>Значение</i>	<i>Предполагаемое русское слово</i>
akumalaattor	аккумулятор	? аккумулятор
anoti	анод	? анод
hetas	очень сердечный	? хетать
kohtu	женская блузка	? кофта
kolniekka, koltsikka	буйный мальчик	? школьник
leputin	(напрасно) суетливый, суматошный человек	? лепетун
luokka	дуга (в конской упряжи)	? лука
luoko	скошенное сено на земле	? луг
lyysi	рубашка	? блуза
läkättää	говорить без перерыва	? лекотать
makasiin	коммунальное ссудное зернохранилище	? магазин
metal	медаль	? медаль
moisniekka	управляющий пожалованным именем	? помощник
säplä	сковородник	? от глагола чапать
tantsut	танцы	? танцевать - танцюю

Ahtiis	Mostpuit	Rintka	Tarikka
Akkaparisniekka	Muila	Ripa	Taunoo
Hevosparisniekka	Nastajassist	Risintkapatingit	Tavai
Hotniekka	Nuusta	Risintkat	Tentsikka
Kaassa	Opessikka	Roopuska	Tiela
Kakraas	Oposa	Ropotniekka, ср.	Tielaitekkoo
Kalaraassel, также:	<i>Opottavemmel</i>	sornoi	Tievuska
<i>vaskaraassel</i>	Oprakka	ropotniekka	Tihvti
Kalpaasi	Paamatti	Rotsia	Tipitaari
Karmooni	Paapuska	Rummatsku	Torkui
Keltsiska	Paaruittaa	Saahka	Torkuvoijja
Kirri	Palkoon	также:	Tääsä
Kohvi	Pantka	maitosaahka	Uksus
Kolkotin	также:	Sainiekka	Utsiska
Kornu	kohvpantka	Sainoi	Utsittaa
Korova	Pantsikka, см. и	Salkka	Uratniekka
Kortavoi	<i>metsäpantsikka</i>	Sapassi	Urkom
Kortikka	Paritsoijja	Saski	Vanar
Kosla	Pasaaluista	Sastava	Vareni
Kossakat	Passipoherra	Seresniekka	Vataikka
Kotsana	Patingit	Sesta	Vatruska
Kuharkka	Petlukka	Setka	Vernast
Kuinepuit	Pielaja	Siemenvoi	Vertsa
Kulohka	<i>Pielaipulla</i>	Silentkat	Vilikka
Kurit	Pomosniekka	Sirajevski	Vorniekka
Kymmenniekka	Pomokaijja	Sirkatsu	Vortuska
Lakittaa	Ponimaijja	Sitsi	
Lapsu	Porsasparisniekka	Sornaja	
Lapasii	Poroveikko	Sorokkova	
Lasatka	Portsu, также:	Sorokoska	
Lepetuijja	<i>alveportsu</i>	Sortu	
Liinavoi	Poslamaasla	Sovokka	
Litessi	Potporkka	Suhhar	
Livasniekka	Potsiemuska	Sukuna	
Lääppä	Potjom	Sulani	
Maalitsa	Povotta	Suppi	
также: maalitsa- ajo	Puikat	также:	
Maasla	Puittost	<i>marjasuppi, rusina</i>	
Maatuska	Pumasniekka	<i>suppi, veskuna-</i>	
Manerkka	<i>Puolpielai</i>	<i>suppi</i>	
Maitomanerkka	Pustoi	Sut sut	
Molotniekka	Putjom	Taarai nakoma	
Mosna	Putrikki	Taatsa	
	Rampkat	Takana	
	Rikassikka	Tatska	